

ЙАНА БОРИЗ

До
стени
магази
вербују

Trendbooks WOW

Йана Бориз

По степи шагал верблюды

«Издательство CLEVER»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бориз Й.

По степи шагал верблюды / Й. Бориз — «Издательство CLEVER»,
2022 — (Trendbooks WOW)

ISBN 978-5-00211-084-1

1896 год. Китайский караванщик Чжоу Фан отправляется по Шелковому пути в Сибирь, не подозревая, что холодной России суждено стать его домом, а золотоволосой Глафире — единственным солнцем, без которого будет немислима жизнь. 1917 год. Его сын Евгений грезит княжной Шаховской, не страшась разницы в происхождении. На пути к их союзу встают не только сословные преграды, но и революция. 1941 год. Спустя десятки лет их дети начнут свой путь — кто на родине, кто за границей — лишь для того, чтобы, преодолев все препятствия, обрести счастье, о котором мечтали родители.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00211-084-1

© Бориз Й., 2022

© Издательство CLEVER, 2022

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Йана Бориз

По степи шагал верблюды

© Йана Бориз, 2022

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

*АВТОР БЛАГОДАРИТ ШКОЛУ ПИСАТЕЛЬСКОГО И
СЦЕНАРНОГО
МАСТЕРСТВА BAND ЗА ПОДДЕРЖКУ
И ВДОХНОВЕНИЕ.*

Часть первая

Глава 1

– Если не будешь закрывать за собой двери, они перестанут перед тобой открываться. – Караван-баши Сабыргазы сверкнул зубами и взглядом приказал Чжоу Фану вернуть на место поворотный камень над подземным лазом.

Сам тоже помог – навалился здоровым плечом. Услышав глухой щелчок, довольно выпрямился и кивнул помощнику, мол, пойдём. Они вынырнули из мрачного склепа, сложенного из пяти разновеликих куполов. Вокруг под охраной обветренных, сглаженных временем камней спали древние плиты капища. Наверное, здесь захоронили целую династию. Посередине – самый широкий мазар¹, не меньше трех жэней² в диаметре, с провалившейся крышей; со всех сторон от него цветочком – мазары повыше и поуже, восьмиугольные, овальные и квадратные, сложенные из разных пород.

Там, где искрошился мягкий песчаник, зияли дыры, а тускло поблескивающий, отшлифованный ветром гранит стоял как ни в чем не бывало. Кое-где еще удавалось различить резьбу, а в стрельчатых проемах даже сохранились кусочки мозаики. Несуразное в итоге получилось строение, но дивное, рядом с таким человеческая жизнь казалась с песчинку, а мысли, напротив, обретали вес и плотность.

– Сабыр-ага³, а что, если на стоянке нас ждут солдаты? – Худошавый китаец подобрал упряжь и взял в повод огромного черного верблюда.

– Не бойся, Калкан-Кулак⁴, не ждут. У нас с ними договор. – Сабыргазы сделал знак пальцами здоровой левой руки, и верблюд послушно опустился на колени.

Осторожно, боясь потревожить раненую правую, висящую на груди грязным коконом повязок в люльке разорванного пополам платка, караванбаши уместился между горбами, цокнул; степной великан встал и побрел вдоль каменистого берега Аягуза. Чжоу Фан не так ловко, но все же справился со своим транспортом и потелепал следом.

– Идрис не вернется, ждать не будем, – кинул Сабыргазы через плечо.

– Как?

– Не повезло ему. – Обычно словоохотливый караванщик темнил.

– Он жив, агай? – Из вспотевших рук выскользнула уздечка, пришлось обнимать пыльный горб, искать ее в свалывшейся шерсти.

– Да, жив. Не бойся, Калкан-Кулак. – Баши⁵ зло рассмеялся. – Вон глаза какие стали.

Младшая сестренка не раз, смеясь, говорила Чжоу Фану, что его глаза в минуты испуга имели свойство превращаться в спелые смородинки под удивленными веточками бровей, но он ничего не мог с этим поделать. Вот бы купить лисий малахай, как у караван-баши, надвинуть на брови, чтоб только плоский нос торчал и никто бы не замечал выглядывающих из узких щелок опасений или сомнений. Сразу получился бы не простенький крестьянский паренек, а

¹ Мазар – «место, которое посещают» (*араб.*). Вообще мазаром у мусульман называется мавзолеей над могилой святого. Кочевники обустроивали небольшие мавзолеи над могилами своих родственников. Возведение мазаров – одна из вековых казахских традиций обустройства родовых кладбищ и почитания предков.

² Жэнь – мера длины, равная приблизительно 2,5 м.

³ Ага, агай – обращение к старшему мужчине (*каз.*).

⁴ Калкан-Кулак – лопухий (*каз.*).

⁵ Баши – голова, руководитель.

лихой джигит. А в плоской китайской шапочке он заурядный ушастый недоросль с длинными руками.

– Ладно, мне помощник нужен, куда я один с раненой рукой, – продолжал караван-баши, – ты вместо Идриса поможешь. Без рахмета⁶ не оставлю.

Веселый Идрис, всегда одетый с ног до головы в черное, как степной ворон, очень нравился китайцу. Добрый джигит, удалой. В обмен на душистый чай подарил высокий войлочный ак-калпак⁷ с отогнутыми краями, замечательно скрывавший лопухость. Родился Идрис в России, кажется в самой столице. Потом семью сослали в Тургайские степи за участие в каких-то восстаниях, и парень пошел по денежному пути караванщика.

Теперь образованный человек протирал чапан⁸ в седле, но это маленького китайца вовсе не касалось. Жаль, если с таким хорошим попутчиком приключилась беда.

– Он жив? – снова спросил Чжоу Фан, и голос предательски скатился в сип.

– Жив, жив, не бойся, тебе говорю. В тюрьме он... Пока... А ты вместо него. Просто поможешь с товаром и получишь цену дюжины верблюдов.

Ох ты! Целой дюжины! Так и разбогатеть недолго. Китаец поспешил отвернуться, потому что глаза-смородинки умели выдавать не только испуг, но и радость. Вслух сказал:

– Благодарю. Но было бы щедрее с вашей стороны назначить цену повыше.

– Да ты в своем уме? Я и так потерял большую партию. Думаешь, Идриса с пустыми руками взяли? Как бы не так! Мне теперь полгода отрабатывать, таскаться по степям туда-сюда. А ты если будешь мне помогать вместо него, то станешь самым богатым женихом в Кульдже!

– О! Благодарю, Сабыр-ага, мне пока жениться рано. Вот цена трех дюжин – самое подходящее. – Когда следовало торговаться, Чжоу Фан своего не упускал, не зря слыл лучшим учеником расчетливого Сунь Чиана. Пока добрались до каравана, договорились на цене двух дюжин.

На стоянке действительно царил покой. Неуклюжий рассвет разлил над зеркалом Балхаша блюдо с малиновым киселем, и озеро обиженно раздурманилось, зарделось, пока холодные воды не смыли радужные разводы с поверхности. Два длиннородых купца и четверо погонщиков, приставленных к каравану, суетились у костра, никто не спросил, куда и зачем отлучались путники.

Караван собрался небольшой, его снарядили четыре торговца: трое отправили своих приказчиков – двух бородачей и пегого коротышку, а четвертым поверенным выступал сам Чжоу Фан, чем чрезвычайно гордился. Но это еще не все: Сунь Чيان, его патрон, застолбил поездку – значит, их клеймо в этот раз главное, а сам лопухий – фактически третий человек в экспедиции после караван-баши и его незаменимого Идриса. Вот она – по-настоящему большущая ответственность.

Всю дорогу от Кульджи до гостеприимных Тургайских степей Чжоу Фан волновался только о товарах – первостатейных шелках для услады бледных российских красавиц. Теперь к треволениям добавилась ответственность, возложенная на худые плечи дерзким и ненасытным Сабыргазы. Караваны во всякие времена считались прибыльным делом. Ленивых и слабых в дорогу не брали – ни людей, ни животных. И монета звенела. Так зачем же еще сверх положенного наваливать себе на горб? Хотя... с такими капиталами недолго ему сидеть в помощниках, быстро свою торговлю откроет. Тогда совсем другая песня начнется.

Сорок груженных верблюдов, повозки, лошади, ишаки – все зашевелилось, заскрежетало, запылило и тронулось в путь. Впереди Семипалатинск, Павлодар, Петропавловск. Последняя точка – село Сыростан в Челябинской губернии. Там главный заказчик Сунь Чиана. Остальные

⁶ Рахмет – спасибо. Сабыргазы обещает благодарность, награду.

⁷ Ак-калпак – национальная киргизская шапка из войлока.

⁸ Чапан – национальная верхняя одежда в виде длинного халата у народов Средней Азии.

купцы по пути распродадутся, многие отвалятся. А Чжоу Фану брести с баши до самого конца. Поэтому тот и выбрал его в помощники. Ну и еще потому, что смышлен.

Сабыргазы опытен, всю жизнь провел на караванной тропе, многое повидали раскосые желтые глаза под лисьим малахаем. Выгоревший чапан едва сходится на груди, так распирают его широкие плечи. Батыр. С китайским языком хорошо управляет, пересыпает речь шутками и прибаутками. Земляк, родился где-то под Чэнду, потом переехал поближе к сказочной Бухаре. И по-русски хорошо говорит. Или так только кажется лопухому?

Сам он тоже старательно учит русский, записывает в тетрадку неудобные толстые буквы. Сначала пытался укладывать новые знания с помощью привычных иероглифов, но не получилось: больно трудный язык, витиеватый, неподатливый. Никогда не знаешь, надо рычать раскатистым «р» или ласкаться покладистым «л». Но самое страшное – русские слова менялись как вода, текли. У китайцев язык прочный, слова неизменные. А в русских словах каждый раз новое окончание. Разве все запомнишь?

Еще русские делят свои слова на инь и ян. Зачем? Жуткая неразбериха. Трава у них почему-то «она», а песок – «он». Или наоборот? С какой стати это деление? Это ведь не люди. И как могло случиться, что «солнце» почему-то стало уродливым «оно»? Как возможно такое кощунство? Откуда вообще берется «оно», видано ли такое в природе? Это хорошо, что караванщику не нужно много слов: важно, чтобы с каждым – казахом, узбеком, уйгуром, русским или немцем – мог перекинуться парочкой фраз, выяснить про дорогу, опасности и нехстативзлетевшие цены. Остальное для души. А в городах, куда важно шествовали караваны, сидят опытные торговцы, вполне сведущие в местных языках и нравах.

Чжоу Фан не причислял себя к уткоголовым. В родной Кульдже он слыл сначала прилежным учеником, затем подающим надежды торговцем. Отец гордился наследником, шурил в улыбке узкие глаза. И мать радовалась, хвасталась сварливым соседкам успехами лопухого сына. Ну да, полупрозрачные розовые уши, как крылышки мотылька, торчали по обе стороны круглой головенки, что ж скрывать. Хотя под этой степной шапкой и не видно. Надо и дома в ней ходить. Его мечта – открыть свою лавку, но это трудная задача: надо гору халатов сносить, всю степь вдоль и поперек исходить. Неплохо бы сначала обзавестись собственными верблюдами, получать с них прибыль и складывать в лакированную шкатулку с медными уголками, где у отца хранились все деньги (серебро вперемешку с бумажными ассигнациями), непременно посыпанные сверху рисом – к богатству.

Караван-баши отобрал для похода справных степных кораблей, особенно нравился Чжоу Фану вожак – черный горластый великан по кличке Каракул⁹. Глаза хищные, ноздри не знают покоя, все вынюхивает, высматривает по сторонам, сторожит караван лучше псов.

– Каракул – самец, – объяснял Сабыргазы любопытным, – остальные по большей части кастраты. Поэтому они недрачливые, послушные, характер вялый. А Каракула лучше не задевать, упрется – с места не сдвинешь.

Чжоу Фан с почтением относился к животным. Первый раз увидав верблюда, лопухий китайский мальчик принял его за дракона, спрятавшего крылья в смешной мешок на спине, чтобы по ночам доставать и летать над спящими домами Синьдзяня. Хмурыми вечерами пробирался он по кривым улочкам к обветшалому караван-сарая и, затаив дыхание, ждал, когда же замаскировавшийся зверь наконец высвободит их, взмахнет, закрывая любопытную луну, и взмоет вверх, превращаясь в одну из манящих звездочек.

Это похоронено в страшилках тонкоголосого детства. Теперь он вырос и с выучными молчунами на «ты». Вот уже третий раз идет с настоящим караваном в далекую Россию. В трудной дороге человек и верблюд – братья, вместе захлебываются пасмурным небом, вместе глотают игольчатую занозистую пургу, вместе пьют сладкую родниковую воду с запахом неожи-

⁹ Каракул – черный раб (каз.).

данного счастья. Без верблюда нет каравана. Без человека тоже. Первый навьючивает на горб тюки, а второй заботы, и телепаются по дорогам в погоне за чужими бесцветными мечтами, опадающими под ноги то росой, то песком, то несметным богатством. Выходишь в дорогу, а оказываешься на перепутье жизни. Ищешь за поворотом колодец, а находишь судьбу.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, а я в жизни ни одной байги¹⁰ не проиграл, – ни с того, ни с сего похвастался Сабыргазы.

– Можно не поверю? – Чжоу Фан не желал выглядеть подлизой.

– А я таки не проиграл! Ха-ха-ха! – Караван-баши обнажил в смехе крепкие желтоватые зубы и стал похожим на волка. Так много зубов, того и гляди укусит. – А я знаю, почему ты не веришь: я не маленький, лошади тяжело.

– Да, верно, в скачках побеждает легкий всадник. – Нелишне проявить свою осведомленность.

– Так вот, а я не проиграл. Знаешь почему?

Лопоухий вежливо промолчал: хочет хвастаться – пожалуйста.

– Потому что я везучий! – Сабыргазы засмеялся еще громче, зубов стало еще больше, хотя этого, в общем-то, по природе вещей не могло случиться. – Везение в нашем деле необходимо, Калкан-Кулак. А ты везучий?

Китаец пожал плечами. Он и сам не знал. Наверное, да, раз Сунь Чжан его выделял. Но если начистоту, то выделял не просто так, а за усердие и сметливость, так что вполне может стать, что и невезучий.

Сопки парили разнотравьем и стрекозами, озеро дразнило приветливой гладью. Бородачи не спрашивали о пропавшем Идрисе, а баши в знак благодарности старался разнообразить их ужин, подстреливая зазевавшихся тушканчиков. Караван без приключений добрался до Семипалатинска, там сели на баржу, поплыли.

В сопровождении праздных дум прибыли в уездный Павлодар – излюбленное место купцов, где горластые перекупщики – русские, татарские, китайские – старались сбить цены и одолевали расспросами. Еще недавно здесь лениво жужжал маленький форпост Коряковский, а теперь гордо подбоченились каменные хоромы в два этажа, расставили широкие руки мощные улицы, на которых нарядная публика праздновала короткое сибирское лето.

Чжоу Фан заметил, что русские любят все новое: вон и дорогу железную строят, и заводы, и пароходы по реке пускают. Сами наряжаются по последней моде, выписывают научные книги и модные журналы, торопятся всего отведать, все проверить и всем пресытиться. А китайцы ценят старое, привычное, холят и лелеют, что досталось от предков.

После Павлодара караван вдвое уменьшился. Часть поплыла дальше по воде в Омск и Тобольск. Ну и ладно, меньше попутчиков – выше цены. Щедрый ломоть товаров остался в высоких добротных лабазах местных купцов, а взамен на обратном пути каравану предстояло забрать векселя. По ним неразговорчивые подозрительные казахи с непременно насваем¹¹ за губой отсчитывают молодых жеребцов и упругих, лоснящихся кобылиц, которых погонщики доставят в Кульджу.

– Мне надо встретиться кое с кем. – Сабыргазы отозвал его в сторону. – Утром, до рассвета, нагрузим Каракула, я тебя разбудю. Это недалеко. Я пойду вперед, ты подождешь с верблюдом. Если что-то пойдет не так, я сигнал дам. – Он засунул в рот два грязных пальца и свистнул по-разбойничьи так, что уши заложило. – Тогда уходи.

– А если нет?

– Что – нет?

– Если знака не будет?

¹⁰ Байга – скачка по пересеченной местности на длинную дистанцию у тюркских народов.

¹¹ Насвай – жевательный табак.

– Тогда жди, я за тобой вернусь, поведем Каракула, разгрузим.

Чжоу Фан постеснялся спросить: а вдруг Сабыргазы не успеет дать сигнал, вдруг его свяжут, оглушат, подстрелят, в конце концов? Ведь случилась же беда с Идрисом. Слова уже сидели на самом кончике языка, но он их прикусил, не выпустил наружу. Говорит же караванщик, что везучий, значит, все равно не прислушается, только посмеется. Надо решать самому, а слова лучше попридержать. Не зря китайцы говорят: быстро открывая глаза, медленно открывай рот.

Но баши неожиданно добавил:

– А если вдруг совсем плохо, то ты за главного.

Подобная честь озадачила поверенного. С одной стороны – боязно, с другой – снова боязно. Как пить дать, не справится он, не запомнил всего, слушал наставления вполуха, да и не заплатят ему, как караван-баши. Но отказаться нельзя: как он тогда узнает, что ждать бесполезно и полагаться следует лишь на свою измученную недоверием голову?

Остановились на глинистом берегу, где темнели валуны – огромные, каждый с большой дом. Катились по руслу в неведомом тысячелетии и подустали, решили постоять на причале. Три или четыре великана, сросшиеся вместе кровеносной системой многочисленных древесных корней и плотью слежавшегося грунта. Сверху и сбоку, нахально выкидывая ветки в разные стороны, росли деревья. Со стороны берега – ивы, спускавшие свои бесчисленные плети до самой песчаной отмели. Под этими камнями неустанное течение выбило большую пещеру, прикрытую плотной ивовой завесой.

– Хочешь посмотреть интересное место? – Сабыргазы подтолкнул китайца в выемку под камнями.

Чжоу Фан залез под едва набравшие сок ветви и обомлел: пещера оказалась сухой и просторной, под каменным навесом мог разместиться не только путник, но и ишачок с поклажей, а единственный вход прикрывала живая ширма из светло-зеленых нитей.

– Нравится? – Сабыргазы так гордился, как будто это он вырыл пещеру, а не могучий седой Иртыш, которому вообще нет дела до человеческих судеб.

Караванщик пошел вдоль берега и скрылся из глаз. Чжоу Фан поднялся на берег, дал Каракулулизать соленую ладонь и стал ждать. Через четверть часа над пригорком показался лисий малахай. Все в порядке.

На встречу явились два русских джигита на грязно-белой лошади, запряженной в неказистую телегу. Один оказался проворным карликом с одутловатой шеей, он много и быстро-быстро говорил, поминутно шикая и оглядываясь. Второй – крепкий, статный, с кудрявыми темными волосами, торчавшими из-под заломленного набок картуза, в полосатых штанах, заправленных в начищенные до блеска сапоги.

– Это еще что за китаец? Где Идрис, черт-перечерт? – хрипло спросил коротышка, ощупывая прибывших беспокойным взглядом.

– Ассалам уалейкум, Егор. Неприятность с Идрисом. Видишь, и меня задело. – Сабыргазы слегка пошевелил раненой рукой. – Это мой новый помощник.

– А мы с ним не погорим?.. Эй, китаец, ты молчать умеешь? – Станный вопрос: Чжоу Фан пока не вымолвил ни слова. – Ты за него ручаешься, Сабыр? А не то – того.

Что «того»? Удивительный все-таки русский язык.

Караван-баши кивнул, мол, ручается, на сердце приятно зашебуршалась гордыня. Егор принялся причитать, оплакивая судьбу Идриса, заламывал маленькие ручки, нагромождая одно на другое витиеватые ругательства. Наконец перешел к делу:

– А почему мало привез?

– В этот раз так. – Сабыргазы скривил рот, показав свои замечательные зубы.

– Надурить Егорку хочешь? Не пойдет.

– Я от слова не отказываюсь. Сказал – привезу. Подожди.

– Тогда тангы вертай, черт-перечерт, с меня спросят.

– Нет. Сказал – жди.

– Так не пойдет, Сабыр. Мы не в игрушки играем. Мне теперь надо Идриску выгораживать, это ж кореш мой, на одной улице росли. Снова монета, черт-перечерт. А ты уйдешь за горы – и фьють.

– Все. Я что мог, сделал. Пойдем, Чжоу Фан.

– Нет, не уходи, – закричал вслед Егор, – завтра в этом же месте буду ждать, принеси остаток. Нет – пеняй на себя.

Интересно, что мог сделать коротышка могучему караван-баши? Вряд ли речь шла о кулачках. Значит, следовало ждать пакостей от властей, а это не в пример хуже.

Лопоухий уже не раз пожалел, что согласился помогать, пусть даже за большие деньги. Но как он мог отказаться? Тот бы все равно использовал его, просто втемную и бесплатно. Наврал бы что-нибудь и потащил с собой. Не пойти – опасно, так в одно утро можно и не проснуться, остаться лежать где-нибудь в околке неприметным бревнышком. И не найдет никто, кроме шакалов. А схватят баши урядники, так и весь караван встанет.

Назавтра Сабыргазы на встречу не пошел.

– Сам сходи, – сказал он китайцу, – отвези вот это. – Он передал несерьезный баул. – Скажи, что я заболел. Быстрее возвращайся, и пойдем дальше.

– Я по-русски плохо разговариваю. Люди те опасные, я не угадаю, чего от них ждать. – Совать ногу в капкан категорически не хотелось.

– Они тебе ничего не сделают, от тебя толку нет. Им я нужен, за старые долги спросить. Тебя это не касается. Им позарез деньги нужны. Деньги – это товар. Они не посмотрят, мой или чужой, заставят отдать. Поэтому я не хочу встречаться. Давай ты топай!

Испуганный и огорченный, Чжоу Фан поплелся на берег. Ивы так же, и даже еще лучше, прятали пещерку на отмели, потому что листья расправлялись с каждым днем. Он привязал ишака в отдалении и снова залез под ивы проверить дивное местечко. Раздвинул рукой живую ширму и замер.

– Проходи, раз явился. – В пещерке сидел Егор со вчерашним приятелем. – Где Сабыргазы?

– Я русский не понимать. Сабылгазы болеть. Сильно болеть. – Чтобы разнообразить небогатый лексикон, Чжоу Фан закашлялся, схватился за горло, потом зачем-то за ногу, как будто эти органы могли страдать одной и той же хворью. Он разглядел торчащие из мешка стволы обрезов. Нехорошо.

– Везучий, черт-перечерт. А мы с ним поговорить хотели по душам. – Егор встал, став чуток повыше, всего на каких-то пять вершков.

Коротышка снова хрипло и непонятно залаял, но китаец догадался, что у того имеется подмога и он намерен навестить стоянку и самолично побеседовать с караван-баши.

– Пойдем со мной. Кушать. Пить. Вместе ехать к Сабыргазы. – Карлик сопровождал корявые слова аппетитными жестами, показывая, как будет потчевать гостя, если тот согласится его сопровождать.

– Нет. Я ходить одна. Вместе не можно, – не соглашался озадаченный порученец.

– Ладно, ладно, одна так одна. Мы с Семей тоже подведем, так сподручнее, – сдался Егор, а повернувшись к тому, кого называл Семей, добавил вполголоса: – Предупредим десятского. Если не захочет добром платить, отправится к Идриске в компанию.

Чжоу Фан понимал по-русски значительно лучше, чем говорил. Сабыргазы задолжал приятелям, и они непременно желали получить свое. Сейчас отдадут караванщика в руки властей. Оно и ладно бы, но ведь и всех, кто в караване, запрут за решетку. А товары растащат. Через полгода ли, через год ли их выпустят, но что станет за это время с их торговлей, с вер-

блюдами? Аи¹², злые духи неуклюже играют его судьбой в цзянь-цзы¹³, вот-вот совсем уронят, и предстоит лопухому неудачнику валяться под ногами у каждого, желающего его попинать.

– А подожди-кась туточки с нами. – Егор что-то прочитал в лице Чжоу Фана – опять подвели глаза. – Все-таки вместе пойдем, посиди-кась. – Он схватил за рукав халата и потянул книзу.

Китаец опешил, но лишь на миг. От коротышки большого вреда ждать не приходилось, главное, чтобы здоровяк не успел вскочить. Он оттолкнул Егора и метнулся к выходу из пещеры. Забыв, что за ивовой ширмой плещется холодная река, плюхнулся в воду, хотел выбраться назад, но передумал, пожалел времени. Неуклюже вращая прилипшими руками, Чжоу Фан поплыл к середине, заранее оплакивая приговоренную шапку. Быстрое течение подхватило и понесло, стаскивая сапоги и пеленая в тяжелые полы чапана. Он нырнул, стянул под водой халат, вынырнул, плыть стало значительно легче. Стремнина шумела и рычала, неслась разъяренной волчьей стаей мимо озадаченных берегов – куда там преследователям! Ему удалось выловить ак-калпак, уже хорошо. Егор с высоким приятелем провожали взглядом мелькающую в волнах черную макушку.

Он проплыл много, с пару верст, даже не плыл, а просто лежал в холодных ладонях быстрых волн. Выбрался на берег возле самого караван-сарая, разделся, выжал одежду и снова налепил на тело мокрые, непослушные штаны и рубаху. Спасенную шапку прижал к груди, чтобы не стекали по лицу речные капли. Прибежав к своим, растолковал караван-баши, что понял из разговора, и поскорее тронулись в путь: в сумерках уже грузились на баржу, а с рассветом вышли на речной простор. Сабыргазы не скрывал, что остерегался преследователей. Успели. И вправду везет желтоглазому. Под мерный плеск волн Чжоу Фан, получивший волею жестокой судьбы чужую роль в плохом спектакле, искал ответы на непростые вопросы. Как отвязаться от участия в опасных игрищах? Не поздно ли еще и какой удел ему уготован? Пропасть в российской тюрьме, сгнить на каторге, никогда не увидеть родных рисовых полей? Или просто сложить голову на маковом поле под берегом строптивного Иртыша или Ишима? И не оправдать надежд придиричивого доброго Сунь Чиана. Про обещанные за помощь деньги он уже не думал: не до барышей, хорошо бы своего не растерять.

Сошли на берег, занялись торговлей. Близился конец мытарствам: через неделю заблестят купола петропавловских церквей. Хотя есть ведь еще обратная дорога... Рано радоваться.

Петропавловск – уездный городок Тобольской губернии – запомнился с прошлых поездок диковинным гербом: щит, разделенный на два поля. На верхней половине – тобольский герб, а на нижней, именуемой серебряной, – коротконогий верблюд, навьюченный двумя тюками наперевес и ведомый в поводу неказистым азиатом в беспоясном чапане и киргизской шапке, точь-в-точь как подаренная бедолагой Идрисом. Знать, чтут в этих местах караванщиков.

– Эй, подсоберитесь, джигиты, – весело подбадривал путников желтоглазый проводник, подрагивая тонкими усиками, как у таракана, – нельзя спать, скоро большой базар встречать.

Чжоу Фана тревожила старая верблюдица, которая все медленнее и неохотнее переставляла длинные мосластые ноги. Того и гляди, вывернутся наружу колени, повиснет жалобно язык, и упадет она, поднимая мягкие клубы пыли, и будет жалобно смотреть на окруживших ее людей и животных. Ее дорога уже пройдена, ей бы попасть на тучных лугах перед смертью, повспоминать исхоженные версты.

В носу засвербело от жалости, некстати потекли жидкие сопли. Ничего, пройдет. Это продуло в сибирских степях, не стоило распахивать чапан навстречу студеным иртышским зорям.

¹² Аи – китайское междометие, означающее удивление, испуг.

¹³ Цзянь-цзы – китайская народная игра.

К вечеру караван пришел в село Новоникольское Петропавловского уезда. Там давно поджидал именитый промышленник князь Шаховский – богатейший маслодел, торгующий с доброй половиной России и даже с Европой. У княжеского сына к осени намечалась женитьба, и приказчики рыскали по торговым домам в поисках декораций для нерядового торжества. В тюках, навьюченных на породистого Каракула, томились в ожидании личные заказы князя – не по торговым делам, а для души. Цены их никто не знал. Одно слово – несметная, вот караван-баши с верблюжьего горба глаз и не спускал.

Ночевать остановились в просторной русской избе с настоящей баней. Князь без угощения не отпустил: круглоглазые красавицы заставили стол пирогами с капустой, блинами с белорыбицей, пышным караваем с румяной косой на макушке и убежали, хихикая в цветастые платки. Чжоу Фану что-то кусок в горло не лез – жирно и мучнисто готовили на русских кухнях. Сейчас бы матушкиной похлебки из сушеных грибов с джусаем¹⁴, да погорячее, чтобы пробрало сухо кашляющее нутро. Но ничего, напьется чаю с ягодным вареньем, к утру и полегчает.

Однако после потной ночи, когда минутные кошмары перемежались с яростной бессонницей, кусавшей сухим полыханием в гортани, легче вовсе не стало. Голова налилась чугуном, все тело ныло и немело, не желало слушаться хозяина.

– Вставай! Чего разлежся? Товар отпускать пора. – К лежанке подошел Сабыргазы, уже одетый в уличное платье.

– Сейчас, я вот-вот встаю, простите, агай, – прохрипел Чжоу Фан.

– Э-э-э, да ты болен, – раздосадованно протянул проводник.

– Ничего, пройдет.

– Дай Аллах. – С этими словами он вышел во двор, направляясь в усадьбу. Надлежало уладить торговые дела и запастись провизией.

Когда за ним закрылась дверь, больной попытался сесть на узкой деревянной лежанке. Удалось лишь с третьего раза. Нехорошо. Опушенные на пол ноги пробрал озноб. С голых ступней перепрыгнул на колени, бедра и лихо проскакал вдоль хребтины. Плечи затряслись, поясницу огрела жгучая судорога. Он снова упал навзничь и зарылся в стеганый чапан.

Ай, как хорошо просто лежать и ни о чем не думать. В голове колыхались серебряные колокольчики, тихо шептались и позвякивали. Тело окутал мягкий, уютный туман. Он отнесет Чжоу Фана домой, к маме, к похлебке из джусая. Там сестра споет невинную песенку про гусыню, которой хочется улететь с товарками за море. Под звуки нежного девичьего голоса прилетят волшебные сны.

– Эй, уже обед, а ты все валяешься. – Караван-баши говорил не зло, а озабоченно, потирая мозолистой ладонью дочерна загоревшую шею. За правым плечом его маячило Солнце, стеснительное, розово-золотое, одетое в белую меховую душегрею поверх ярко-синего платья.

– Простите, агай, я занемог, но вот поспал, и все прошло, – отозвался со своей лежанки больной. Он предусмотрительно решил не вставать при караван-баши – вдруг снова упадет, стыда не оберешься.

– Ладно, лежи, поправляйся, я сам займусь провизией. Завтра выступаем, тянуть нельзя.

Чжоу Фан снова откинулся на лежанку и закрыл глаза. По степи скакали красные кони, из юрт выбегали отец с матерью и спрашивали, что он себе позволяет в дороге, плакала сестра, утирая слезы драгоценной парчой, предназначенной для свадьбы молодого Шаховского, проплывали гуси, злобно гогоча над неудачником. В перерывах приходил Сабыргазы и требовательно тряс за плечо.

– Эй, эй, что с тобой? – спрашивал он по-русски мягким девичьим голосом.

¹⁴ Джусай – растение семейства луковых.

Чжоу Фан открыл глаза. Перед ним стояло Солнце и похлопывало нежными пальчиками по руке. Оно было все таким же розово-золотым, но с испуганными глазами цвета родниковой воды. При взгляде в них страшно захотелось пить.

– Шуэй¹⁵, – прошептал он.

– Что? Говори погромче.

– Шуэй, – повторил больной и понял, что Солнце-то русское, по-китайски, наверное, не понимает. Он напрягся, стараясь вспомнить нужное слово, и с трудом прошелестел: – Су-у¹⁶.

– Что говоришь? Плохо тебе?

– Су! – Он в отчаянии вытягивал губы, понимая, что снова выбрал не тот язык.

– Воды попить? – Солнце оказалось догадливее, чем он предполагал.

Через минуту возле лица заплясал расписной деревянный ковш с райской птицей. Зубы запрыгали по краю, пытаясь втянуть заветную влагу. Это не вода, а жидкое золото! Конечно, Солнце могло напоить только золотом. Ай, какая благодать!

Покатались месяцы в горячечном бреде и забыты. Его ругал последними словами карлик Егор на смеси казахского и уйгурского, горячо упрекал седоусый Сунь Чيان по-китайски, ядовито шутил и насмеялся по-русски князь Шаховский с толпой толстопузых купцов и приказчиков. Только розово-золотое Солнце жалело, защищало, но что именно произносили ее уста, он, к сожалению, не понимал.

Однажды – может быть, через день, а может, и через год – он пришел в себя в белой-пребелой комнате. В широкое незанавешенное окно палилась луна. Лоб оказался холодным, а сознание ясным. Чжоу Фан оглядел новое пристанище, но в темноте ничего не смог разобрать. В растворенном настезь прямоугольнике дремал мирный двор со спящими телегами и заботливым засовом на дверях птичника. Покой. Только с ночным светилom творилось что-то неладное: оно то увеличивалось, то уменьшалось. Прищурился, присмотрелся: на желтом, как сливочное масло, жирном блинчике корчились полупрозрачные тени, складывались в зловещую ухмылку или отплясывали срамные танцы. Едва пришедший в себя узник лихорадки верил и не верил глазам, хотел встать, но ноги не слушались. Он понял, что это никакая не луна, а сама смерть щерилась призывной усмешкой, звала к себе, раскрывала объятия. Больной зажмурился, а когда с опаской приотворил веки, диск заметно побледнел, а горизонт посветлел – где-то далеко, там, где журчали ручьи его родины, уже вставало солнце.

Умирать в чужой стране, среди крестопоклонников, затеряться под снегами, где никто даже на могилку не придет, казалось до невозможности обидным. Поэтому он выжил. Вернее, потому, что доктор, приглашенный князем в Новоникольское, оказался одаренным и въедливым, а главное – умел воевать с тифом.

Однажды увидел свое Солнце настоящими глазами, без примеси горячечного бреда. Девушка оказалась еще красивее, чем в фантазиях под музыку злой лихорадки: стройная, с гибким станом под сочным синим репсом, с густыми переливами пшеницы над высоким лбом, с милым вздернутым носиком и пухлыми нежными губами. Звали Солнце Глафирой. Она служила у князя и частенько забегала проведать больного, неизменно приносила вкусности с хозяйской кухни, чтобы тот не голодал и поскорее поправлялся. Князь обещал заботиться о Чжоу Фане и слово свое держал.

В лазарете, устроенном еще отцом нынешнего Шаховского, царили чистота и пустота. Доктор Селезнев – лысоватый худощавый щеголь лет сорока – с болячками расправлялся быстро и решительно, никого микстурами не морил, если видел, что помочь не в силах, сразу требовал телегу и отправлял в Петропавловск. Лопоухий китайский погонщик заинтересовал доктора, убежденного, что представители различных рас и национальностей должны перено-

¹⁵ Шуэй – вода (*кит.*).

¹⁶ Су – вода (*каз.*).

сильные и те же заболевания по-разному. Он верил в некий генетический код и искал подтверждения своей гипотезе. В 1896 году подобные мысли казались просвещенными и даже революционными, поэтому Селезнев ухватился за узкоглазого больного как за долгожданную жертву, принесенную капризной фортуной на алтарь науки.

Чжоу Фан стоически терпел доктора с его иголками, ледяными железными пальцами и нескончаемыми вопросами; послушно демонстрировал язык и десны, позволял пребольно оттягивать веки, заглядывая, как казалось страдалцу, за само глазное яблоко прямо в несчастную душу. За все эти муки он вознаграждался посещениями Глафиры с аккуратной корзиночкой в руках, улыбкой и парой скупых фраз. Говорить бы с ней часами: рассказать о далекой родине, о рисовых полях под низким небом, об искусно изукрашенных беседках и трепетно дышащих фонариках. Он бы взял ее за руку и подарил весь мир внутри себя. И про дорогу бы рассказал, про величественные горы, где водопады разбиваются в мелкую пыль, низвергаясь с высоты птичьего полета, про величественный Самарканд и древнюю чарующую Бухару, про непослушных степных лошадей, обгоняющих озорной ветер. Много бы мог рассказать выздоравливающий караванщик княжеской горничной, если бы хорошо говорил по-русски. Но их диалог сводился к скупым и скучным «как дела?», «как кушал?» и «как спал?», перекликающимся с безликим «хорошо».

Когда Чжоу Фан окреп и начал думать о возвращении домой, ему сообщили, что Сабыр-газы давно прошествовал обратной дорогой. Ну и хорошо. Эх, узнать бы еще, удачно ли сбылись вверенные ему товары. Но такой информацией можно разжиться только под родным небом. Как быть? Прибиться к новому каравану и поплестись через степь и горы к недовольному Сунь Чيانу? Или подождать до следующей весны – вдруг у китайского купца найдутся поручения для невольничьи командированного приказчика.

Доктор Селезнев настоятельно советовал едва окрепшему путешественнику не спешить, быть осмотрительнее. Предлагал связаться с китайским двором в Петропавловске, чтобы ему помогли перезимовать.

– А зачем ему уезжать? – как-то заявил присутствовавший при разговоре молодой княжич. Он только что справил долгожданную свадьбу и ходил по усадьбе как оптимистичный петух, которому везде надо заявить свое хозяйское «кукареку». – Пусть остается при усадьбе, работы полно. У меня теперь семья, флигель пристраивать надо, а заодно и новые квартиры для слуг. Там и перезимует. А по весне отправится к своему Суню. Тот все одно караван пришлет батюшке.

Чжоу Фан понимал, что сердобольным русским помещикам не так уж нужны его руки. Просто не хотят грех на душу брать, как здесь говорят, отправляя полуживого в трудную дорогу. Да и доктор Селезнев не желал, чтобы его врачебные подвиги сгинули ни за что ни про что. Ах, если бы Глафира попросила остаться, он бы выкорчевал по деревцу соседний лес и посадил заново, доказывая, что такого сметливого и ловкого работника князю не сыскать днем с огнем. Но его Солнце только жалостливо кивало и приносило в лазарет восточности.

Решение пришло само в виде заботливо сложенной записки от омского губернатора, который приказывал всех китайцев снарядить в областной центр для создания бригады переводчиков, которые вот-вот несказанно понадобятся отчизне. Нашлось где перезимовать, а по весне видно будет.

Для начала он написал длинное и подробное письмо своему патрону, в котором излагал печальные обстоятельства, приключившиеся с подданным великой Поднебесной империи на гостеприимной Русской земле, упуская подробности странствия с сомнительным караван-баши. Те слова не для бумаги, их из уст-то выпускать опасно, не то что из-под пера. Кротко поинтересовался, не гневается ли русский купец, доволен ли доставленными товарами. Между строк Сунь Чيانу следовало прочесть, рассчитался ли сполна, не продешевил ли противный Сабыр-газы, думающий только о своих преступных махинациях. Долго и нудно кланялся в изыс-

канной форме, следуя правилам китайского этикета. Три раза переписывал, пока от усердия не закружилась слабая голова.

Второе письмо, со словами попроще, но тоже содержащее многочисленные поклоны, адресовал сестре, а на самом деле престарелым родителям. В нем сообщал подробности о себе, чтобы не хоронили раньше времени, обещал вернуться следующей весной или летом и просил замолвить слово перед патроном.

В начале октября донельзя исхудавший, но вполне самостоятельно передвигающийся китаец с круглой, налысо обритой головой и чудесно торчащими розовыми ушами вышел из ворот лазарета, наскоро поклонился, прошептав благопожелание на родном языке, крепко пожал руку доктору Селезневу и дворнику дяде Мише и зашагал по широкой сельской улице вдоль поздних яблок за некрашеными заборами. Навстречу попадались сельчане: бабы в толстых платках с ведрами и корзинками или спешащие по делам мужики верхом и на телегах со сдвинутыми к переносице бровями. Всех куда-то гнали хлопоты, и никого не тревожила судьба несчастного китайского паренька с узелком под мышкой, в ватном чапане и киргизской войлочной шапке.

Он остановился перед высоким забором княжеского особняка, на всякий случай поклонился приоткрытым воротам и сторожко, буквально одним глазком, заглянул в тыл чисто выметенному двору, разгороженному геометрическими рядами молоденьких саженцев. К такому вопиющему нарушению приличий настойчиво толкала надежда увидеть Солнце и попроситься.

Все-таки духи-покровители семьи Чжоу Фана заслуживали богатых подношений: они сверхсильные и несказанно могущественные. Во-первых, спасли от неминуемой смерти, пусть даже послав приставучего доктора в качестве орудия. Во-вторых, исполнили заветную мечту – показали напоследок Солнце в приоткрытой створке коренастого амбара. Глаша, заметив движение в воротах, повернула голову, и только в этот момент Чжоу Фан увидел рядом с ней статного темноволосого парня в распахнутой синей поддевке¹⁷ с отложным воротом. Темные кудри выбивались из-под заломленного набок картуза.

Глафира подбежала к китайцу и жестом позвала за собой спутника.

– Здравствуй. – На него глядели совершенно счастливые глаза. – Ты покидаешь нас?

Скиталец молчал, любуясь Солнцем. Когда еще он сможет ее увидеть?

– Ты уходишь? – медленно и раздельно повторила Глафира, и он понял, что требуется ответ.

– Да, уходить. Надо. Пора, – выдавил несчастный.

– Познакомься, это мой жених Семен, – пропело Солнце. Чжоу Фан прекрасно знал слово «познакомься», его часто говорили, приходя к новым людям. Да и жесты Глафиры не оставляли сомнений, что она хочет представить своего спутника.

Темнокудрый важно кивнул.

– Мы будем жениться, – по слогам пропела Глафира, видя непонимание, затопившее исхудалое лицо с выступающими желтыми скулами. – Понимаешь, муж и жена? – Она выставила безымянный палец.

Чжоу Фан еще раз поклонился, на этот раз подольше задержав взгляд на своих крепких новеньких валенках. Требовалось выровнять дыхание. В спутнике Глафиры он сразу узнал подельника коротышки Егора, контрабандиста и прощельгу.

¹⁷ Поддевка – длинная верхняя мужская одежда.

Глава 2

– Скудоумная ты, Глашка, – обзывалась матушка. – Выгоды своей ни в жисть не чуешь.

Наверное, так оно и было. Когда поспевали яблочки над старенькой лавочкой в саду, маленькая Гланя угощала соседских ребятишек, с кем играла в салки да скакалки в теплой уличной пыли. Те тянули немые ручки, выбирая самые сочные и краснобокие, а дарительнице доставалось подгнившее, с червячком, на которое никто не позарился. Ей и обидно, с одной стороны, и радостно, что приятели довольны остались, у всех красавцы в руках без единого изъяна. Ну и пусть у нее незрелый уродец, так в огороде еще полным-полно.

Подросла, да не поумнела: в приходской школе стеснялась первой отвечать, хоть урок знала назубок, в бане всегда последней мылась, чтобы за всеми полы подтереть. А потом случилось чудо: княгиня Шаховская велела маменьке прислать Глафиру в барский дом горничной, мол, батюшка Прокофий нахваливал ее кроткий нрав и преданность, а у княгини мать-старуха при смерти, ей вредные поблизости не надобны, только сердобольные.

Барышня-недоросль и тут начала оглядываться по сторонам, кому бы нежданную удачу преподнести на блюдечке, а самой пойти в коровник буренкам хвосты крутить, но княгиня строго потребовала именно Глафиру Смирнову, Матвееву дочку, Свиридову внучку. Так и прижилась она в княжеском особняке, проводила с миром старую барыню и подружилась с хозяевами.

Усадьба Шаховских на кособоком холме над вольным Ишимом казалась не вросшей корнями в крутой берег, а присевшей над обрывом, будто собиралась, отдохнув, пуститься в пляс. Одна сторона выросла почти в три яруса и любовалась речными пейзажами, а другая – пониже, всего в один ярус с цоколем – подбоченилась с хозяйственной хваткой напротив рынка. Флигели смотрели в разные стороны, как руки у балаганного Петрушки, а яркие ставенки на окнах блестели орнаментом на его рубашке. На «голове» усадьбы красовался круглый колпак-ротонда, как и полагалось уважающему себя скомороху.

В отличие от веселого экстерьера, внутри усадьбы царил приличествующая высокородным особнякам чинность: бронзовые канделябры, портреты в золоченых рамах, фортепиано в маленькой гостиной и превосходный дубовый паркет. Правый флигель князь Веньямин Алексеич оборудовал под контору, отчего там вечно сновали деловитые грызуны-крючкотворы или большерукие выходцы из крестьян. В левом флигеле проживала прислуга во главе с «фельд-маршалом»-управляющим, а господские апартаменты снисходительно наблюдали за всей этой кутерьмой с верхних ярусов.

Центральное же здание целиком посвящалось приемным, залам, гостиним и бильярдным, с высокими двустворчатыми дверями, отворявшимися не каждый день, да еще и с задумчивым недовольным скрипом. Мол, стоило ли их беспокоить, не лучше ли двуногим непоседам проскочить поскорее мимо, а их сохранить для красоты и пушей важности? В обязанности Глафиры входила забота о хозяйских опочивальнях, поэтому с капризными дверями первого этажа она соблюдала вежливый нейтралитет.

Матушка воспитывала в строгости, бездельничать не позволяла. Хоть камень во дворе катать от забора до калитки и обратно, но не лодырничай. Не заведено у русских людей праздновать будни, если ты не Емеля-дурачок.

– Чтобы замуж не стыдно было тебя отдавать, – заканчивала мать каждое поучение, и Глафира вскакивала, бежала в огород, полола, собирала, мыла, шинковала, пекла, лишь бы не опозориться перед семьей будущего супруга.

Когда круглые груди начали распирать скромное синее платье, на Глашу стал заглядываться соседский сын Семен – высокий, ладный, с открытой улыбкой, дразнящей крупными, слегка кривоватыми зубами. Неискушенное сердечко глухо тукнуло в подреберье, а потом

зануло, забеспокоилось, передавая рваный ритм влюбленности встревоженным глазам, беспричинно улыбающимся губам, нервным пальцам.

– Вот и женишок на наш порожек, – удовлетворенно хмыкнула матушка.

На старших вечерках, когда выпадал черед хороводить с Семой, Гланя заливалась маковым цветом, и непослушное дыхание предательски сбивалось от разудалой «Ураза¹⁸, ураза, целоваться три разá». Она уже прыгала и через ремешок, и через лавочку, а дома, в одиночестве, складывая непрогорелые чурбачки в загнетку¹⁹, потихоньку напевала один-единственный мотив, начинавшийся словами «Уж Сенюшка, Семеонушка». Положенные само-вязанные перчатки из верблюжьей шерсти, любовно расшитые бело-синими узорами, крепкие, кусучие, как сибирские зимы, давно лежали на дне девичьего сундука, ждали первых холодов, чтобы перекочевать за пояс избранника.

Семен, как и большинство жителей Новоникольского, трудился на маслобойном заводе Шаховских. Начал сопливым босяком с тележкой для отвала отходов, но скоро сообразил, что на таком поприще карьеры не сделать, и попросился в ученики к механику. Дядька Фрол учеников не баловал, мог и подзатыльником угостить, поэтому выживали под его могучей рукой и насупленным взглядом только самые огнеупорные. Семен к таковым не относился.

Через пару месяцев он выяснил, что в Омске можно отучиться на квалифицированного механика, которому сам Фрол запчасти подносить станет. Упросил батяню раскошелиться и отправить его на настоящую учебу. Отец покряхтел-покряхтел, да и растряс мошну. А что? Сын в люди выбьется, станет большим человеком на заводе, в семье достаток, а старикам гордость и почет. Через два года Семен вернулся, но механиком его вредный Мануил Захарович, обрусевший голландец, директорствовавший на заводе, почему-то не взял – поставил к сырью, на неудобную черную работу. Семен обиделся и решил распрощаться с пролетариатом. Лучше на поле уйти: там свежий воздух, приволье, коровы добрые, не то что заводские начальники.

– Глашка, я пойду в пастухи, – заявил он как-то, сидя на завалинке в объятиях теплых летних сумерек. – У меня руки, не приспособленные к механизмам, не чувствуют железо. Я человек, который с живым в ладу. Вот коровы – они живье, их я понимаю, с ними шустро сдружусь. Буду пасти стадо, гонять на удой. Мантулить²⁰ не ахти как. Цельный день на лугу: можно и в картишки порезаться, и стихи посочинять.

Глафира прыснула, представив Семена с ромашкой за ухом, сочиняющего стихи и декламирующего их буренкам. Под ситцевую косынку прокралась непрошенная мысль, что у пастуха жалованье в разы меньше, чем у заводского механика, а для будущей семьи это ой как важно. Но вслух поделиться опасениями постеснялась. Что ж получается, еще и свадьбу не сыграли, а она уже мужние деньги считает? Кроткая горничная вовсе не планировала разбогатеть или заважничать, но копейка-то – она всегда к месту. Так и матушка воспитывала: сначала замуж выйти, а потом добром обростать, чтобы голытьбу не плодить.

Сама Глафира не жаловалась на заработок у Шаховских, даже откладывала. У княгини имелась замечательная привычка отдавать слугам все, что она именovala старьем, хоть на самом деле одежды и утварь вполне могли отправляться на прилавок и приманивать новых покупателей. Добрая женщина, беспричинно повезло с ней. Поэтому денег особо не тратила, матушка велела копить на проводы невесты да на приданое.

Однажды Елизавета Николаевна, наблюдая, как Глафира проветривает шубы и рьяно борется с пылью, спросила будто о неважном:

– А когда свадьба-то у вас, Глашенька?

¹⁸ Ураза – мусульманский пост.

¹⁹ Загнетка – место на шестке русской печи, куда сгребаются горячие угли.

²⁰ Мантулить – работать без толку, без прибыли (*диал.*).

– Дай бог, следующей осенью, – тихо отозвалась Глафира, покрепче ухватывая метелку, чтобы атаковать паутину в дальнем углу гардеробной.

– А колечко вам Семен Ильич уже подарил?

– Нет пока. Выбирает. Да и к чему колечко? Это же неважно, главное – чтобы любовь была.

– Разумеется, разумеется, все эти атрибуты давно изжили себя, – закивала умудренная опытом княгиня. – Знаете что, а давайте я вам свое колечко подарю? В качестве благословения. Вы столько лет в нашем доме, с матушкой моей (царствие ей небесное!) возились как с малым дитем. У меня один сынок, Глебушка, колечки наследовать некому. А оно девичье, в моих летах такое негоже надевать.

– Да что вы, Елизавета Николаевна, не стоит, – начала отнекиваться Глафира. – Я свою работу жалованья сполна получаю. А матушка ваша (царствие ей небесное!) была золотой души человек. Мне в радость.

– Так и мне в радость подарки дарить милым людям, – засмеялась княгиня и уплыла в малиновый будуар, откуда вскоре вернулась с маленькой бархатной коробочкой. – Вот, держите на память о нашем доме.

В коробочке, на алой атласной подкладке улыбалась жемчужина в веночке кружевных лепестков. Тоненький ободок в сочетании с легкомысленным ажуром и в самом деле не подходил дородной княгине. Глафира снова начала отнекиваться, хотя влюбилась в кольцо с первого взгляда. Елизавета Николаевна умела настаивать на своем, поэтому в тот день преданная горничная убежала домой с драгоценным подарком на тонком пальчике.

– Ишь ты, – восхитилась мать, – знать, любит тебя хозяйка. Молодец, Гляня, хоть в чем-то выгоды не упустила.

Семен же изысканному украшению невесты не обрадовался.

– С чего это князя так расщедрились, а? – скрипел он, придирчиво рассматривая драгоценность. – Небось, неспроста... Ты, наверное, с Глебкой шуры-муры водишь, княгиня в курсе, вот и замаливает сыновьи грехи?

– Да что ты такое говоришь, Сема, побойся Бога! – вспыхнула Глафира. – Просто женщина она добрая, нежадная.

– Что-то я доброты от их семьи пока не видал: ни на заводе, ни в учебе, ни в коровнике. Только тумачи да поучения.

– А работать так, чтобы наниматели довольны были, ты не пробовал? – вырвалось нечаянно, и она тут же прикусила торопливый язычок.

– Как-как? Не расслышал.

– Говорю, будет и твое время, еще и похвалят, и одарят. Сам увидишь, какие это люди, – успокоила и его, и себя.

– Все-таки я тебе не верю. Княжич по дому ходит, глазки строит. Молодой да пригожий. Наверняка щиплет за занавесками.

– Прекрати немедленно или я уйду! – Серые глаза горели, голос окреп.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Семен, – просто моя ты, не хочу делиться ни с кем, даже чтобы смотрели, не хочу.

После таких слов барышня, как и положено, растаяла, а кавалер, притворившись успокоенным, на самом деле затаил темные мысли.

Работа в поле у Семена закончилась быстро и неожиданно: вверенное ему стадо ополовинили волки. Вроде и не положено клыкастым в это время промышлять, но невезучая звезда Глашиного жениха и тут его подвела. Староста Елизарий, в чьем ведении находились буренки, рассвирепел и приказал гнать нерадивого пастуха поганой метлой. Маслобойное производство, прославившееся на всю Россию и даже за ее пределами, требовало жесткой руки, хочешь жить справно – работай.

Семен обиделся и надумал податься в город на заработки.

– Нет мне места на селе, не сельский я человек, – исповедовался он разочарованной невесте. – Мне нужен энтот, как его... масштаб!

В городе не то что в деревне, там есть где развернуться.

Глафира не больно верила в городские блазни²¹ и масштабность возлюбленного, но молчала. Бог с ним, с жалованьем, как-нибудь проживут. Ее больше огорчала неизвестно на какой срок откладывавшаяся свадьба. И не так чтобы у матушки плохо жилось, но соседи поглядывали и шептались за спиной. Если уж невеста, то пусть кольцо дарит и сватает как положено. А одними разговорами дом не построишь.

– Ты не вздумай глазки строить, пока меня нет, – напутствовал Семен, – я недалече, вмиг узнаю и обернусь.

– Что ж ты глупости городишь! Я на работу и домой, времени нет ни на глазки, ни на сказки.

– И кольцо то, что Глеб Веньяминыч подарил, не смей носить. Я сам тебе куплю. Поняла?

– Какой Глеб? Семен, ты в своем уме? Княжич жениться собирается, невеста у него из господ – Дарья Львовна, умница и красавица. Рисует маслом, на фортепиано играет, все к свадьбе готовятся. Зачем бы ему на меня смотреть?

– То невеста, а то – другое. Будто не понимаешь... – Семен надулся и запыхтел, как поспевающий самовар, и Глафира решила не шоркать по ссадине, сам остынет и одумается.

К зиме братец Карп подарил матушке охотничий трофей – лисью шкуру, мать отдала его Глаше, а та заказала у скорняка настоящее манто, как у Елизаветы Николаевны. Носить некуда, но зато как хороша золотоволосая ладушка в рыжих ручейках густого блестящего меха! Когда-нибудь они с Семеном поедут в Омск и там отправятся в театр – самое место такому украшению.

К свадьбе молодого княжича Шаховские затеяли переделку, и безоглядно щедрая Елизавета Николаевна одарила Глафиру слегка пообтрепавшимися снизу шелковыми портьерами и вышитыми покрывалами. Красота неопишная! Конечно, матушка сразу спрятала все это добро в приданое, чтобы сразить сватов наповал.

Семен изредка навещался из города, говорил туманно, смотрел рассеянно. Вроде бы помогал в какой-то хлебной лавке, ждал повышения. Но в следующий раз то оказывалась вовсе не булочная, а часовая мастерская, где механику не в пример сподручнее строить карьеру. Лисье манто, по счастливому поводу его приезда выуженное из недр сундука, похвалил, а за колечко снова обиделся. Зря не оставила его дома. Хотя она ж не знала, когда женишок объявится.

Летом Глафира ждала объявления помолвки, но Семен куда-то запропастился, не казал носа в родное селение. Она втайне надеялась, что устроился на речное судно, как промелькнуло однажды в его бесконечных разговорах. А что? Хорошая работа, денежная. И всю зиму можно дома есть калачи, пока ледоход не начнется.

Собственно говоря, у нее не доставало времени подолгу размышлять о своем будущем: хлопоты в связи с предстоящей свадьбой в доме Шаховских отнимали невеликий досуг. Да еще и в лазарете поселился тщедушный китаец, почти при смерти, и Веньямин Алексеич велел захаживать к нему, блинами потчевать. Жалко несчастного. Языка толком не знает, только смотрит черными бездонными прорезями, в которых несбывшейся мечты больше, чем жизни.

В сентябре, когда кипела страда, Семен наконец-то пожаловал с гостинцами. Привез медовый пряник и сладкой наливки. А сватов так и не заслал, долгожданного колечка не подарил. Целыми днями не слезал с брички деловитого Митрия Елизаровича – старостиного сына. У того дел невпроворот: одно отвезти, другое забрать, и приятель детских игр Семка совсем

²¹ Блазни – мечты (диал.).

не лишней. Через месяц снова засобирались в город, мол, дела. Глафира грустно пекла пироги в дорогу и печалилась непрошеным мыслям.

– Глаша, одолжи мне денег на дорогу, – попросил Семен, укладывая нажористую сдобу в котомку.

– Сколько?

– Червонца хватит, но лучше бы пару.

– Двадцать рублей, – ахнула она, – зачем тебе?

– Буду свое дело открывать, недостает. Зато ж потом навар некуда девать станет. Эх, заживем! Это ж для нас обоих.

– Да я бы и так дала, – застеснялась Глафира. Получалось, будто она жадничает.

Сбегав домой, принесла две аккуратно сложенные ассигнации и протянула в доверчивой ладошке. Колечко, подаренное Елизаветой Николаевной, предусмотрительно покинуло тонкий пальчик и до поры до времени отдыхало в бархатной коробочке на дне сундука. Семен схватил деньги и небрежно запихнул в карман.

– Осторожно, не потеряй. – Потянулась взглядом за купюрами и тут же, без паузы выстрелила ультиматумом: – Если ты когда-нибудь засватать меня собираешься, то говори прямо с матушкой, а разговоры промеж нас не считаются, это для души.

– Что значит «не считаются»? – опешил Семен. – Жить-то нам, а не родителям. Если я тебе не люб, если есть другой на примете, то ты прямо скажи, я пойду разберусь с ним.

– Никого нет, не мели чепухи, – покраснела Глаша, – люди косо смотрят. То ли невеста, то ли нет.

Но Семен ее не слушал, он распалился старой заправкой для новой порции ревности и завел шарманку:

– Или все-таки княжич покоя не дает? Все-таки метишь в княжеские полюбовницы? Или уже случилось все самое сладкое? А?

Глафира, разозлившись, убежала вся в горячих непрошенных слезах и только дома, успокоившись, поняла, что ответа на свой вопрос так и не получила.

* * *

До холодного Петропавловска под приметным гербом со смешным коротконогим верблюдом Чжоу Фана довез директор завода Мануил Захарыч на своей модной таратайке. В дороге побеседовать не получилось, но лопухий китаец проникся бесконечным уважением к управляющему. За его точными уверенными движениями, короткими четкими указаниями, за тем, с каким вниманием следили за ним глаза кучера Степана, угадывался человек недюжинного ума, по заслугам гордящийся высоким положением.

Проводили его как родного, полтину на хлеб пожаловал добрый князь Веньямин, да еще полтину сунул, смущаясь, доктор Селезнев. На хлеб. А что в узелке полным-полно еды – не на день, а на три или даже на неделю, – о том и позабыли.

– Степан, я побежал в торговый приказ, а ты отвези-ка нашего дружка на станцию да купи билет на поезд. Веньямин Алексеич распорядились. А то он заплутает в наших трех улицах. – Мануил Захарыч дежурно засмеялся, и Степан услужливо подхватил дробным подхалимским смешком. – А потом завези в китайскую слободу, где караванщики бытуют. Пусть там пообвыкнется, может, выведает что про свои дела.

Лакированная таратайка с кожаным верхом покатила дальше, а вечно спешащий директор тотчас сгинул в купеческих рядах.

На вокзале Чжоу Фан увязался за коренастым Степаном – любопытство одолело. Ничего особенного в бурлящем человеческом котле не отыскал: замусоленный чиновник в окошке и огромные объявления непонятными кривыми буквами во всю стену.

- Пошли, завтра с утра твой поезд отбывает. Понимаешь? – потянул за рукав Степан.
- Да? – спросил ни слова не понявший Чжоу Фан.
- Что «да»? Надо говорить «што», запомни – «што-о-о». Повтори: «што».
- Што? Што? Плавило? – Старательный китаец всю тренировку учил язык.
- Молодец, – похвалил усердного ученика кучер. – Завтра. Утром. Сюда приходиться.

Поезд. Тю-тю-тю. Понял?

Чжоу Фан прекрасно понял. Он уже разглядел на стене цифры – восемь часов. И надпись «Петропавловск – Омск». Осталось запомнить дорогу.

– Давай я спать здесь? – проявил находчивость подданный Поднебесной.

– Хорошая идея, но Мануил Захарыч приказал везти в китайскую слободу. Там, глядишь, повстречаешь знакомцев, про себя расскажешь, возьмут на заметку. Да и спать там сподручнее.

Прав словоохотливый Степан: на постоялом дворе можно встретить земляков. Через полчаса Чжоу Фан вылез из экипажа перед большими, распахнутыми настежь воротами. Прежде чем попрощаться, кучер раз десять дотошно выспросил, запомнил ли тот дорогу на вокзал. Да что тут запоминать! Он прекрасно ориентировался в Кульдже – этом торговом монстре, многоголосом муравейнике, куда собирались караваны с полсвета. Неужто заблудится в трех улицах провинциального Петропавловска?

За воротами скандалили сердитые утки, гоготали гуси. Приземистое строение, длинное и безобразное, подпирали неопрятного вида киргизы, жевавшие неизменный насвай и сплевывавшие прямо под ноги тягучую зеленую слюну. На порог выползла толстая старуха, оглядела Чжоу Фана неприязненным взглядом из-под набрякших век и кивком позвала внутрь. В гостевой комнате пахло китайской едой прямодушно и беззастенчиво, так что захотелось лишь одного: оказаться дома, под родной тростниковой крышей, ждать, когда мать поставит на стол нехитрое кушанье – острую лапшу в деревянной миске с приправой из папоротника, джусая и сои. Только сидеть рядом с сестрой и смеяться всяким глупостям – вот оно, счастье.

– Проходи. Есть будешь? – спросила старуха по-китайски.

– Спасибо, я не голоден. – Он оглядывал сутулые спины посетителей, надеясь отыскать среди них китайцев.

– Как же, не голоден. А то я не знаю. – Она засмеялась и пошла накладывать угощенье.

В доме все было ненастоящим: и не китайским, и не казахским, и не русским. Сундуки по углам, но циновки на полу, узорные кошмы на стенах, но на них портрет государя императора, под которым столик для маджонга с лакированной шкатулкой, украшенной иероглифами. Какой-то калейдоскоп забавных и случайных предметов, как будто из лавки шустрого старьевщика.

– Рассказывай, ты кто такой и откуда? Я запишу и все передам, – приготовилась слушать хозяйка.

– Куда передадите? – вежливо поинтересовался гость.

– Куда положено. – Она многозначительно подняла вверх указательный палец, как будто намеревалась проткнуть закопченный потолок. – Так ты, значит, с Сабыргазы шел? Знаем такого, хитрован, удалой джигит. Научил тебя своему промыслу?

– Какому такому промыслу? Караваном ходить? Так я и без него умел. Меня господин Сунь Чжан отправил в качестве поверенного, он же нанял Сабыргазы-ага на должность караван-баши. Так что мы вместе одну работу выполняли, и чему учиться следовало, я не понял.

Старуха придирчиво посмотрела стрелками глаз, но промолчала.

– Ладно, отдыхай. Я запишу все и передам твоим, когда придут.

Чжоу Фан думал признаться, что уже отправил письма на родину, но промолчал. Кто знает эту российскую почту? Вдруг письмо затеряется? Пусть тоже кинут восточку.

К вечеру в караван-сарай стало люднее. К новому постояльцу подсадили двоих казахов, сносно болтающих по-китайски, тоже караванщиками поплутали по степям, а теперь осели, свою торговлю подняли. Вот бы тоже так.

– Ты с Сабырказы ходил? – спросил высокий и худой, назвавшийся Казбеком. Темно-карие глаза хищно смотрели из-под лисьего малахая, ноздри агрессивно оттопыривались, как будто он злится и вот-вот полезет в драку – ни дать ни взять Соловей-разбойник, про которого рассказывал во время долгой болезни полуглухой старик в лазарете. Чжоу Фан не все понял из жизнеописания былинного богатыря Ильи, но сюжет показался страшно интересным.

– Да, ходил, остался по болезни в селе Новоникольском. Очень надеюсь узнать, в добром ли здравии пребывает Сабырказы-ага и в целости ли доставлены грузы нашему уважаемому партнеру. Был бы чрезвычайно признателен за информацию.

– Э-э-э, – протянул Казбек, – да ты ничего не знаешь... На Сабырказы напали злые люди, ваш караван обобрали, едва половину удалось довести до конечной. Все, торговле вашей крышка! Русский купец злой, по всей степи дурной хабар²² разослал, вас порочит. Не будет теперь твоему патрону сюда дороги.

Коротко стриженная голова под войлочной шапкой вмиг стала мокрой и горячей. Как такое могло произойти? Сабырказы – опытный караван-баши, да и дороги в России не такие опасные, как в степях, барымтачи²³ не гоняют, не нападают на торговцев, не налетают с гигиканьем и хлыстовым посвистом. Как это возможно, чтобы русский купец прогневался и проклинал Сунь Чиана?

– Вы не напутали ничего? Я был в том караване, который пришел в конце весны. Наверняка Сабырказы-ага еще не один караван привел за то время, пока я пребывал в беспомощности.

Казбек не все понимал, приходилось подбирать слова, помогая себе жестами. Чжоу Фан устал, заболела голова, хотелось на воздух.

– Ничего я не напутал. Сабырказы больше сюда ни ногой. Только один караван в этом году привел, самый первый. Больше его никто не видел.

Чжоу Фан прекрасно знал, что никаких лихих людей, кроме подельников-контрабандистов, караван-баши встретить не мог. Но как об этом рассказать? Кому? Где доказательства? И какой прок от всех разоблачений, коли товаров уже не вернуть? Да и черт бы с ними, с товарами! Не вернуть доброй репутации, которую торговый дом заслуживал не одно поколение. И с кем это произошло? С самым старательным, ответственным и добросовестным поверенным, с тем, кем гордились престарелые родители и кому доверял добрый патрон. Лучше бы ему не возвращаться с того света стараниями усердного русского лекаря Селезнева.

Масляный чад постоялого двора сгустился, выдавливая из нутра съеденное. Хотелось закричать, кинуть в приветливый текемет²⁴ деревянную кесу²⁵, растоптать по алаше²⁶ склизкий рис, разорвать на мелкие клочки старухино гостеприимство. Чжоу Фан натянул свой ак-калпак и вышел на улицу, чтобы выгулять неумную панику. Холодный октябрьский воздух пальнул лечебным отрезвляющим залпом, и дышать стало полегче. Он пошел вдоль спящих улиц навстречу речному шуму. Вместе с ритмом шагов начали вставать на место растревоженные мысли.

Сабырказы и Чжоу Фан шли не одни, в караване были другие люди. Они точно знают, где и при каких обстоятельствах заболел поверенный Сунь Чиана. Более того, они могут свидетельствовать и о проделках лукавого караван-баши. Найти попутчиков и обелить себя будет совсем

²² Хабар – известие, сообщение, информация (каз.).

²³ Барымтачи – конокрады (каз.).

²⁴ Текемет – войлочный казахский ковер с ввальянным цветным узором, один из главных предметов убранства казахской юрты.

²⁵ Кесе – пиала (каз.).

²⁶ Алаша – ковровое изделие ручной работы (кошма, ковер и др.) из разноцветных шерстяных нитей.

несложно. Болезнь спишет его вину, но никак не поможет восстановить утраченную репутацию. Ладно, он сдернет маску с лицемерного караванщика, а дальше что? Идти к Семену, просить, доказывать, что без него тут не обошлось? Но как? Чжоу Фан не дознаватель и не сыщик, он не сумеет. Или ехать к коротышке Егору? Он-то наверняка в курсе. Но тот вообще ничего не скажет, спрячется. Только время зря терять.

Ноги незаметно прошли всю улицу от края и до края, перенесли на набережную и уже отмеряли гулкие шаги по течению стремнины древнего Ишима. Хорошо тут, красиво, природа богатая, разнообразная. Реки текут во все стороны, пастбища тучные, поля урожайные. Счастливые люди живут на этой земле, добрые, приветливые, как в Новоникольском.

Дома закончились, пора топтать назад. В горле пересохло от отчаянных мыслей, от неисполнимых планов. Чаю, настоящего горячего чаю! И снова бродить по сонным закоулкам. Чжоу Фан знал, что не уснет. Надо привести мысли хоть в какой-то порядок и попытаться еще раз порасспросить худого Казбека со злыми глазами. Пусть поделится всем, что известно о Сабыр-газы. А еще лучше – купить ему водки. Полтина князева как раз и пригодится. Водка отменно развязывает языки, только самому прежде следует успокоиться.

Впереди замаячили распахнутые в любое время ворота постоянного двора, за ними в неверном свете костра угадывались смутные тени – наверное, снова кто-то прибыл. Вдруг еще какая-нибудь полезная информация бродит вокруг да около? Надо быть повнимательнее. И разговаривать не только по-китайски. Может статься, русские другое слышали, а этот Казбек сам не знает, о чем молотит языком.

Чжоу Фан убрал с лица гримасу тревоги и отчаяния и постарался собрать какое-никакое подобие улыбки, ведь предстояло разговаривать с новыми знакомыми, которых не стоило пугать озлобленной физиономией. Стараясь топтать как можно громче, он двинулся к поскрипывающей на ветру створке. Чья-то тень загородила тусклое свечение лампы за окном, а потом и всполохи дворового тандыра²⁷. Только он собрался заговорить, как незнакомец поднял руку, – и случились полная, безоговорочная темнота и невыносимая боль. Последним, что услышал невезучий лопоухий китаец, стал его собственный стон.

²⁷ Тандыр – печь-жаровня, мангал особого шарообразного или кувшинообразного вида для приготовления пищи у народов Азии.

Глава 3

В незапамятные времена, когда ничегошеньки не было, кроме темноты и страха, даже земля и небо еще не отделились друг от друга, появился первый человек – смелый и могучий Паньгу²⁸. Он возник, как крошечный цыпленок, в огромном яйце, где слились вместе свет и тьма. Целых восемнадцать тысяч лет длилось таинственное созревание; неопытная в то безвременье природа не находила, куда и как его приспособить, чем одарить, чего лишить. И вот наконец Паньгу пробудился. Вокруг царил непроницаемый липкий мрак, и сердце первого человека онемело от страха. После робких блужданий его руки нащупали неизвестный предмет. Им оказался невесть откуда взявшийся топор. Паньгу ухватился за топориче, размахнулся что было сил, ударил вслепую в одну сторону, потом в другую и оглох от неимоверного грохота, разом заполнившего его безмолвный мир какофонией расколовшейся горы.

Весь мир – тьма с ровным посапыванием лошадиной морды. Вот это здорово! А Паньгу не кто иной, как сам Чжоу Фан. Оказывается, умирать вовсе не страшно и не холодно: без чувств, без движения. Только шумно: со скрипом, пыхтением, глухим стуком копыт по пыли.

Сонный бездвижный мир, в котором находился Паньгу, зашевелился, задышал. Все легкое и чистое всплыло наверх, а тяжелое и грязное опустилось на дно. Так возникли небо и земля. Он с трудом выбирался из сковывавшей мир скорлупы, а вместе с ним просачивались на волю красота и волшебство. С его вздохом рождались ветер и дождь, с выдохом – гром и молния. Когда Паньгу открывал глаза, на новорожденной, несказанно прекрасной земле наступал день, а когда закрывал – скатывалась звездная молчаливая ночь. Этот красочный мир страшно понравился великану. Правда, он немного испугался, что чудеса закончатся, а земля и небо снова сольются, превратившись в хаос. Чтобы этого не произошло, он каждый день отталкивал небо от земли, и в конце концов они привыкли смотреть друг на друга издали, неспешно беседуя проливными дождями. Великан попытался заговорить, и голос стал громом, левый глаз – солнцем, правый глаз – луной. Руки и ноги образовали четыре стороны света, туловище – землю, из крови возникли реки, из вен – дороги, из волос – звезды, растения, деревья, из зубов и костей – металл, из костного мозга – нефрит.

Вот он какой замечательный, лопоухий караванщик Чжоу Фан, – объял весь мир любовью и заботой. Однако все, что надлежит, уже исполнено, пора и умирать. Эх, жаль, не увидел Глафиры перед смертью. Да ладно, на небесах еще встретится с ней, подождет с полвека, ему не привыкать. Зато потом будет много времени – целая вечность, чтобы бродить рука об руку во владениях Годзумедзу²⁹.

Наконец пришел скорбный час, когда Паньгу предстояло покинуть полюбившийся ему мир, забыв о недоделанном. Тогда его локти, колени и голова превратились в пять священных горных вершин, а насекомые на его теле – в людей. Когда Паньгу удостоверился, что земля и небо не соединятся и долее не нуждаются в его подпирании, он умер, а Чжоу Фан, напротив, окончательно пришел в себя. Страшно болела голова, обмотанная чем-то мокрым и липким, с неприятным запахом. Пошевелил конечностями – двигаются. Он снова услышал собственный стон, доносившийся будто издалека, и все вспомнил. Предатель Сабыргазы, коварный Казбек в караван-сараяе, костерок в глубине двора, темнота и стон. Вон как дело было, а Паньгу вовсе ни при чем.

– Очухивается, Мануил Захарыч! – раздался приглушенный голос кучера Степана.

– Говорил же тебе: это живучий китайский крендель. Непременно доведем! – Оптимистичный басок директора болезненной дробью раскатился внутри ноющего черепа.

²⁸ Паньгу – персонаж китайской мифологии, первый человек.

²⁹ Годзумедзу – мифологические персонажи, коровоголовый и лошадиноголовый, охраняющие вход в царство мертвых.

Стук копыт, директор и Степан... Неужто Сабыргазы в сговоре с князевыми помощниками и теперь Чжоу Фана везут куда-то, где контрабандисты вершат свои темные дела? Хотят сделать подручным, отправить с опасным заданием домой, а потом сгноить в тюрьме. Или им просто избавиться от свидетеля нужно? Нет, тогда проще убить, зачем куда-то везти? Шансы увидеть Глафиру на земле или на небесах таяли с каждой минутой, и несчастный почувствовал облегчение, очередной раз ныряя в зыбкую пелену забвения.

– Что это вы учудили? – Недовольный голос доктора Селезнева не обещал приятных сюрпризов. – Вчера увезли вполне здорового, хоть и слабого, а сегодня привезли назад в разобранном состоянии. Не ожидал-с, Мануил Захарыч.

– Надсмехаться изволите, господин эскулап? Что ж, позволительно. Однако забывчивость моего Степана спасла этому китайскому господину жизнь.

В это время руки Селезнева разматывали повязку на голове Чжоу Фана, чем-то обтирали лоб и затылок, бесцеремонно сжимали запястье. Прилипшие к повязке волосы с треском оторвались от запекшейся раны. Больной очнулся. Доктор обрадованно зацокал и тут же поднес ко рту лежащего мензурку приторной микстуры.

Без стука отворилась дверь, в проем заглянуло Солнце – розово-золотистое, в синем платье. Все как в прошлый раз. Чжоу Фан несказанно обрадовался: все повторяется, значит, впереди еще полгода солнечного счастья.

– Меня Веньямин Алексеич послали узнать, в чем дело. – Нежная трель девичьего голоса звучала встревоженной канарейкой. – Ой, опять Федя у нас в лазарете?

– Хм, Федя. Что ж... Пусть будет Федором, раз уж прижился.

– Так в чем дело-то? Как господам доложить? – допытывалась Глафира.

– Так и доложите, мол, Степан по дурости запомнил отдать китайцу пачпорт и рекомендательное письмо, засим поехал на постоянный двор поздним вечером и аккуратно споткнулся о вашего Федю, который лежал без памяти перед воротами. Вот и весь сказ. В больницу мы его не повезли, потому как не ведали, дозволено ли полуживых иноземцев доставлять, да и докуки с полицией иметь не возжелалось. Поэтому Степан погрузил его в таратайку, и вот – вуаля! – он снова в Новоникольском.

– Правильно поступили, Мануил Захарыч, в больнице на него внимания не обратили бы. Да и сроднились мы уже как-то с пациентом, – похвалил догадливого директора доктор Селезнев, а потом тем же тоном поругал: – Но если бы он у вас на руках скончался? Дорогато неблизкая.

– Ни в коей мере. – Уверенный голос директора отбивал бодрую дробь в больной голове Чжоу Фана. – Он ни в коей мере не производил впечатления человека, готового отправиться к праотцам.

– Боюсь, ваше заключение скоропалительно, травма не кислая, состояние пациента обманчиво.

Глафира давно уже покинула лазарет и, по всей видимости, доложила печальные новости хозяевам, потому что вскоре раздались тяжелые шаги Шаховского-старшего и бодрые, словно спешащие куда-то по веселым делам, – Глеба Веньяминыча. Поохав и поцокав, господа велели оставить Чжоу Фана в лазарете и лечить от души, а на разговоры о полиции махнули рукой – как искать злоумышленника темной ночью в китайской слободе?

Снова приходила Глафира с вкусными гостинцами, поила киселями и взварами, потчевала соленьями из матушкиного погреба. В этот раз беседы складывались успешнее, Чжоу Фан вполне мог изъясняться и даже иногда отпускал шутки. Он говорил о милом сердцу Синьдзяне высокопарными чужими словами, и оттого родной край еще сильнее отдалялся, терял выпуклость и аромат, съеживался в точку на краю сознания. Глафира понимающе кивала пшеничной головой, но ее мысли, кажется, путешествовали далеко от Поднебесной империи.

После Рождества доктор Селезнев разрешил выходить на улицу и вообще делать все, что пожелается, только не стоять на голове. Молодой княжич подарил тяжелый тулуп, ношенный, валявшийся без нужды в людской со времен тонкокостного истопника, который давно спился и отправился на погост. К тулупу прилагались валенки, в которых Чжоу Фан долго не мог приноровиться ходить, и – о чудо! – настоящий лисий малахай, точь-в-точь о каком мечталось лопоухому караванщику. Такая невозможная, незаслуженная щедрость взывала к великой благодарности, но у бедного больного ничего не было, кроме преданного сердца, которое он не раздумывая преподнес заботливому благодетелю.

– Вы, Федя (матушка придумала называть вас Федей, у них с Глафирой так повелось), так вот, вы, Федя, будете жить у нас в именье. Хорошо?

– Не имею права. Не должен. Это слишком много доблоты. – Чжоу Фан начал усердно кланяться, сняв и прижав к груди подаренный малахай.

Глеб Веняминыч решил, что тот отказывается от великодушного подношения.

– Бери. Носи на здоровье. Русские. Люди. Гостям. Всегда. Рады. Вы... Ты. Гость, – по раздельности, выделяя каждое слово, повторил молодой князь.

– Нельзя столько доблоты, сердце умирать, – поделился сомнениями озадаченный подданный Поднебесной.

– Будете следить за садом и заниматься китайским языком с моей супругой, Дарьей Львовной. Понял?

– Китайский язык? – Чжоу Фан от неожиданности дал петуха. – Почему госпожа китайский язык?

– Хочет изучать. Для расширения кругозора. Все. Собирайте вещички.

Доктор Селезнев, донельзя обрадованный какой-никакой определенностью в судьбе постоянного пациента, наказал являться дважды в неделю для осмотра, не лазить по деревьям, избегать высоты, способствующей головокружению. Он насовал в узелок сушеных трав и микстур, похлопал по плечу, выразив надежду, что отныне Федор станет навещать доктора исключительно на собственных ногах.

Снега завалили Новоникольское, только озорные печные трубы торчали над сугробами, еще вчера бывшими рядовыми крестьянскими крышами под тесом, железом или соломой. Детвора с визгом штурмовала ледяную горку, что змеилась с высокого обрыва до самой середины задремавшего подо льдом Ишима. Телеги заменили санями – отличное, сверхудобное средство передвижения. Скользит легкой поземкой, не трясет, оси не ломаются, колеса среди камней не застревают. Эх, будь на то воля Чжоу Фана, путешествовал бы только зимой и только на санях.

Лопоухий китаец долистал книгу жизни до новой прекрасной страницы: он ежедневно, затаив дыхание, шествовал по лакированному паркету, с неизменным восхищением оглядывал высокие дубовые стеллажи, полные мудрых фолиантов, любовался изысканным интерьером гостиной с пафосными господами в золоченых рамах и их кружевными нарумяненными спутницами. Мимо восхищенного взгляда проплывали тусклые блики на полированной поверхности фортепиано, робкие пальцы с нежностью дотрагивались до высоченной двери, приотворяли ее, и нога бесшумно ступала на драгоценный бухарский ковер, хранящий шаги древних сказок.

Дарья Львовна – молодая княжна, живая, остроумная, прогрессивная – не желала просиживать юбки в праздных сплетнях. С раннего утра она маячила в саду, закутавшись, как наполеоновский солдат, в тулуп и три шали, писала этюды застывающими на морозе красками. Ничего путного не выходило, но художница не отчаивалась. Расчистив будуар, она устроила в нем что-то наподобие мастерской, куда азартно затаскивала всех встречных-поперечных обещаниями написать настоящий портрет. Когда не везло с простодушными жертвами портретного искусства, княжна усиленно малевала пейзажи и натюрморты.

Интерес к китайскому языку родился из любования изящными миниатюрами, которыми пестрили страницы светских альманахов, богатой росписью фарфоровых ваз и невесомых шелков. Чжоу Фан подвернулся очень кстати, и проект оброс необходимым мясом. Конечно, Дарья Львовна порывалась (и неоднократно!) написать портрет лопухого учителя, но ничего стоящего не вышло: то ли таланта не хватило, то ли модель неудачная досталась.

Занятия проводились бессистемно, озорная княгиня увлекалась и больше внимания уделяла обучению наставника правилам русского языка, чем собственному китайскому. Поэтому русский Чжоу Фана прогрессировал с завидной скоростью, а китайский Дарья Львовны так и скупердяйничал простецкими «ни хау ма»³⁰ и «мио»³¹.

После занятий благодарный учитель шел чистить двор, а по вечерам строгал из выкорчеванных из снежного плена бревнышек забавные фигурки, тачал малюсенькие табуреточки, разделочные доски, ковши, поварешки и скалки для шумной княжеской кухни. Кухарка хотела сразу же пускать ладный инвентарь в дело, но китаец не отдавал: он выпросил у Дарьи Львовны красок и расписал свои поделки, а потом, осмелившись, попросил смолу, скипидар, масло и умело залакировал.

– Заслужил свои плюшки, Федор Иваныч, – похвалила повариха Степанида столярные изделия, – любо-дорого в руках держать твое ремесло.

– Давай я один раз кормить? – попросил ее Чжоу Фан.

– Готовить хочешь? Свое небось, китайское? Ну давай.

И Чжоу Фан начал стряпать любимые мамины кушанья, заменяя отсутствующие ингредиенты местными, неудобными, придающими новый вкус привычным блюдам. Пряные запахи привлекали на кухню любопытных, всем доставался кусочек кислосладкой уточки или маленькая чашечка иссинячерного супа. Слуги недоверчиво качали головой, но, распробовав, хвалили повара.

Но самыми долгожданными в распорядке дня стали послеобеденные часы, когда Глафира прибирала залы и приемные, а он ей помогал. Каждый день баснословно много солнца – такое счастье трудно вынести неизбалованному сердечку.

Дотошная в непрекращающейся войне с сором горничная приобрела ретивого союзника. Она протирает полки, а он уже притащил лестницу и лезет наверх смахнуть пыль со шкафов. Она скатывает ковер, а он уже отодвинул всю мебель, подготовив плацдарм для швабры в самых потаенных блиндажах грязи. Работа отныне шла и быстрее, и веселее.

Разумеется, все постояльцы усадьбы видели, что Федька-китаец млеет, когда рядом Глафира, замечали потерянные взгляды, несчастными, проколотыми булавкой бабочками липнущие к юркой синей спине. Замечали и самоотверженную горячечную преданность. Кое-кто подшучивал, а самые опытные и побитые беспощадной жизнью даже всерьез намекали:

– Ой, девка, не упusti свое узкоглазое счастье. Где такого мужика сыщешь? Непьющий и пахать готов с утра до ночи.

Но наивная Глашенька воспринимала всю эту возню в доме не иначе как забавную дружбу и никаких планов не строила, с достоинством ожидая колечка от непутевого Семена.

По весне работы в саду стало больше, а Дарья Львовна охладела к занятиям. Сменив драгоценный лисий малахай на привычный войлочный ак-калпак, оставшийся в наследство от невезучего Идриса, Чжоу Фан бок о бок с садовником боролся за красоту и процветание неласковой сибирской земли.

– Ты, Федя, зря стараешься, не будет кружевиться этот куст, как ни пыхти, – умирал праведный пыл вредный садовник.

– Будет, все будет, Миха-лыч, ждать надо, – не соглашался с ним Чжоу Фан.

³⁰ Ни хау ма (или ни хау) – китайское приветствие.

³¹ Мио – нет, плохо (*кит.*).

Глафира с Елизаветой Николаевной давно решили промеж себя, что китаец попался на редкость трудолюбивый и рукастый. Неплохо бы оставить такого в имении. Тем более за ним напасти так и охотятся, пригляд не помешает. Дарья Львовна тоже не планировала расставаться со своим вежливым учителем, который не обременял ее трудными заданиями и не ругал за непоседливость. Кухарка и садовник нахвалиться не могли на косноязычного умельца.

– Венъямин Алексеич, не извольте китайца прогонять. Пушай при нас остается вместо наемных криворуких бездарей. Положите ему невеликое жалованье, да и бог с ним, – ходатайствовал Михалыч перед старым Шаховским.

– А я его и не гоню, пусть живет. Соберется уходить – поговорим о жалованье.

Но Чжоу Фана выживала из гостеприимного имения вовсе не корысть. Будь его воля, жил бы так до скончания века за хлеб и лежанку, и даже спасибо никакого не надо. Ему надлежало обелить свое имя. Для этого требовалось пойти в Петропавловск, найти Казбека и хорошенько порасспросить. А может быть, найти самого Сабыргазы и привести (пускай даже насильно!) в Китай на покаяние. А потом взять полицейских и пойти по следам контрабандистов, доказывающая и наказывающая. Если придется в итоге сесть в тюрьму до конца дней, что ж, значит, судьба. Главное, чтобы имя осталось неопороченным, а противный Сабыргазы наказанным. Вот и все.

Приступить к намеченному Чжоу Фан решил в мае – июне, когда первые караваны потянутся из степей в прохладные российские леса. Поговорить с ними, разузнать, потом в Петропавловск. Там видно будет.

Весна выдалась поздней, неприветливой, с изморозью по утрам и расквашенными дорогами. Поэтому первый караван появился на горизонте только в начале июня. Издавна налаженные торговые связи привели путешественников в Новоникольское. Во главе стоял сумрачный пожилой Ахмат-ага, в помощниках у него – проворный Лю Шен. Точь-в-точь как в прошлом году, когда Чжоу Фан служил правой рукой караван-баши Сабыргазы. Бывалый степняк – главный, молодой китаец на подхвате.

С замиранием сердца поспешил лопухий неудачник навстречу землякам, принес невеликие дары – состряпанные собственноручно угощения и домашний каймак в глубокой глиняной плошке, свежий до сладости, с запахом заката и ягод.

– Я тебя знаю, – невежливо завопил скуластый Лю Шен в ответ на пестрословное приветствие, – ты китаец, работник Сунь Чиана, ты здесь заболел и зимовал в доме большого уруса.

– К моему прискорбию, так и произошло. Горести подстерегали меня неотступно на протяжении всего года. Сегодня я жив исключительно благодаря гостеприимству и щедрости князя. Если не побрезгуете моей компанией, то у меня накопилось множество вопросов к караван-баши Ахмат-ага.

– Не, не побрезгуем. А тебе тут письма есть от твоих. Мы на всякий случай взяли, хотя не знали, встретимся ли. И вот – тебе повезло. – Лю Шен по-приятельски хлопнул его по плечу и полез куда-то в дорожные сумки, не переставая жевать лепешку, сдобренную каймаком.

При виде писем с родины глаза Чжоу Фана, конечно же, выпрыгнули спелыми смородинками. Не знал и не ведал лопухий, что мир устроен до такой степени мудро и справедливо. Много раз думал, что матушка оплакивает его, а сестренка вторит ее всхлипам. Оказывается, нет, дошли послания, родители спят спокойно.

Он извинился перед Лю Шеном, пообещав зайти в другой раз, и помчался вприпрыжку к берегу, где никто не помешает. Заставив неумное сердце колотиться потише, развернул листок, изрисованный неровными, будто плавающими в луже иероглифами. Его непоседливая сестра никогда не блистала успехами в чистописании.

«Дорогой Фан, если ты читаешь эти строки, то знай, мы все равно тебя любим. И я, и мама, и папа. Выздоровливай поскорее и приезжай, ты нам очень дорог. Мы не верим тому, что говорит господин Сунь Чиан. Это неправда. Он приходил и сильно ругал нашего отца, но отец все равно не поверил. За свой пропавший товар Сунь Чиан просит страшно много, у отца

нет столько серебра, поэтому он тебе помочь не сможет. Передай хотя бы письмо с караваном, если сам боишься возвращаться».

Что такое? О чем пишет глупая сестрица?

С обрыва послышался крик:

– Федя, побежим! Елизавета Николаевна просят клумбу разбить по-новомодному. Помощь нужна. – Глафира звала его, приложив ко рту сложенные рупором ручки.

Не смея отказать, Чжоу Фан попытался спрятать расползающееся тараканами недоумение и потелепал за своим Солнцем в усадьбу. До глубокого вечера он обихаживал капризные ростки, уговаривая их прижиться и порадовать добрых людей прилежным цветением.

Сад Шаховских спускался уступами к Ишиму, на склоне вода не задерживалась, потому особой красоты не произрастало: чахлые пучки соцветий и обглоданные камни. Такое пренебрежение главным богатством – землей – жестоко порицалось в Поднебесной. Даже скудный участок в один ли³² перед крыльцом именовался садиком, который требовалось содержать в идеальном порядке, выкладывать дорожки белыми речными камешками и развешивать нарядные фонарики. Такое богатство – сад в два му³³, лежащий в первородной дикой необузданности, да еще и на берегу полноводной реки, – могло прокормить целую деревню, а разбить его как следует, так и императору не зазорно в таком гулять.

Чжоу Фан с разрешения равнодушного Михалыча начал вычленять терраски и засаживать их неприхотливыми можжевельниками, пахучей мятой и строптивыми кустами боярышника. Землю посыпал раздробленными шишками, а дорожки выкладывал речными кругляками. Взял себе за правило: одна клумба в два дня, без уступок дождю и холоду. Требовалось спешить: во-первых, весна быстротечна, а во-вторых, ему пора покидать Новоникольское. Следовало оставить добрую память о себе. А что может быть лучше цветников и затейливо насаженных хвойников? Так и пошло. К середине мая в саду насчитывалось больше двадцати обихожанных клумб. Елизавета Николаевна вышла погулять, да так и ахнула. С тех пор самыми главными в саду стали длинные умелые руки Федьки-китайца.

Но сегодня ему вовсе не хотелось декорировать непослушный склон, его ждал разговор с Лю Шеном. Впрочем, пожилая княгиня о том догадываться не могла, а ее горничная тем более.

У Глаши тоже случился праздник: наконец-то наведаясь из своих городских приключений оборванный и завшивевший Семен. Без улыбки, без гостинцев. Видно, не так-то складно работалось в запыленном, суетливом городе.

Только поздним вечером под предостерегающее уханье филина новоиспеченный княжеский садовник смог добиться аудиенции у караванщиков. Разговаривал не Лю Шен, а сам Ахмат-ага. Говорил на смеси уйгурского и узбекского, а его китайский помощник переводил на всякий случай, хотя этим сомнительным языком он владел не лучше самого Чжоу Фана.

– Сабыргазы – уважаемый караван-баши. Он заболел – ты должен торговать. Ты не должен обманывать. Каждый может заболеть, обманывать нельзя.

Интересно получается. Сабыргазы тоже заболел? Наверное, заразился от Чжоу Фана! Вот и объяснение. А товар, оставшийся без пригляду, попросту растащили. Но зачем же обвинять помощника? Все видели, что он свалился первым.

– Я первым заболел и остался здесь. Я не могу отвечать перед хозяевами за то, чему не был свидетелем, – вежливо попытался оправдаться Чжоу Фан.

– Как не можешь отвечать? – Ахмат-ага вылупилсь непроницаемыми глазами, в которых мелькали отблески костра. – А кто отвечать? Сабыргазы заболел в степи, ты продал товар, потом заболел. Сабыргазы тебя здесь догнал, ты был больной, а товара не было. Где товар? Где деньги? Почему здесь сидишь у большого уруса? Почему не убегаешь, не прячешься?

³² Ли – старинная китайская единица измерения площади, равная 6,66 кв. м.

³³ Му – традиционная китайская мера площади, в настоящее время равная 1/15 га.

Долго и бестолково разъяснял лопухий неудачник свою версию похода – бесполезно, ему никто не верил. Выходило, что коварный Сабыргазы, провинившийся перед контрабандистами, рассчитался с ними товаром Сунь Чиана, а свалил все на всерьез захворавшего помощника. То ли выживет, то ли нет – все одно. Как теперь быть? Попутчики могли свидетельствовать, что Чжоу Фан не сношался в дороге с неизвестными, но они чужой товар не считали, за своим следили. Да и как не сношался? А отлучки вместе с Сабыргазы и по его поручению? Кто скажет, не сам ли мудрил-пестрил?

С тяжелой головой и печальным сердцем лег он в ту ночь под толстое верблюжье одеяло. Луна приветливо заглядывала в окошко, но в лицемерном свечении чудился вечный обман. Значит, все считают его виновным, предателем, недобропорядочным. И Сунь Чيان понес убытки. Ничего хорошего в Кульдже отныне не ждет. Проваливаясь в тяжелый сон, Чжоу Фан видел перед собой довольную ухмылку подлого Сабыргазы.

Утром он выбежал в сад с первыми лучами задорной летней зари и принялся разбивать прихотливую клумбу из пяти крошечных уступчиков, сбегаящих к реке. Вдоль нее наметил лесенку из камней – после, если удастся, зацементирует. Таких в саду еще не водилось, Елизавета Николаевна будет рада. К обеду уже намечалось невиданное доселе украшение прибрежного склона. После наскоро сжеванной лепешки работа пошла быстрее: думать и высчитывать больше не требовалось, знай копай да таскай камни с землей. К вечеру Чжоу Фан отмылся от глины и чернозема и пошел к Дарье Львовне на урок, но предварительно отыскал Глафиру, поклонился ей и поинтересовался, не угодно ли старой княгине полюбоваться новым садовым декором. Той оказалась весьма кстати прогулка на вечернем воздухе.

– Я должен много работать, потому что надо деньги. Можно я получать жалованье? – напрямую спросил Чжоу Фан, после того как Елизавета Николаевна рассыпалась в восторгах таланту умельца-садовника.

– Феденька желает остаться при нашем имени? Мы будем только рады. – Уступчивая княгиня быстро поняла свою выгоду. – Сегодня вечером обсужу это с Веньямином Алексеичем.

План, выработанный китайцем, не удивлял изощренностью или дальновидностью. Он попросту решил возместить убытки своему китайскому патрону, восстановить честное имя, а потом, развязав себе руки, искать правду. Сидя в тюрьме, все одно ничего не добиться. Значит, надо поработать в России, где за ним никто не гонится, затаиться, подкопить. Заодно можно попытаться хитростью войти в доверие к местным контрабандистам и порасспрашивать. В этом пункте начинал тревожно переворачиваться тугой ком за ребрами, потому что выход на преступников имелся лишь один – через Семена, Глашиного жениха.

Старому князю Шаховскому предусмотрительный китаец сообщил, что патрон гневается на него, потому работы в Поднебесной не будет. Ввиду столь печальных перспектив он хотел бы остаться здесь, рядом с друзьями и зарабатывать, как и все прочие.

А усилия готов прилагать, где только понадобятся. Веньямин Алексеич согласился, но в глубине души решил, что Чжоу Фан настолько влюблен в Глашу, что готов пожертвовать и родиной, и судьбой за счастье быть рядом с ней. Своими соображениями он поделился с княгиней, сидя в беседке под цветущей черемухой.

– Не думал, что такая адская страсть завладеет нашим узкоглазым молодцом, – посмеиваясь в густые усы, добродушно рокотал князь.

– Зато какая романтика, Венюшка! Нет никаких границ для подлинной любви, ни государственных, ни сословных. Любовь – она все побеждает. – Княгиня закрыла томик стихов и улыбнулась.

Так Чжоу Фан окончательно стал Федором, или Федькой-китайцем. Из жалованья, назначенного добрым Веньямином Алексеичем, ни копейки не тратил, только однажды купил Глафире редкой красоты платок да лаковую шкатулку. Видел, как она заглядывалась на них.

– Зачем это, Федя? – Она засмушалась и начала отнекиваться. – Я и сама могу купить что захочется.

Пригожее, но короткое северное лето не оставляло времени для праздных раздумий, осень с песенной страдой тем более. С первыми заморозками возобновила занятия китайским языком Дарья Львовна, но теперь уже Глеб Веняминыч платил за уроки дражайшей половинки, и эти денежки тоже складывались в узелок, все туже и туже набивая его заветными настоящими рублями, за которыми когда-то посылал своего невезучего поверенного мудрый Сунь Чиан.

Прилежным и кропотливым трудом Федька-китаец, по предварительным, даже слегка оптимистичным подсчетам, собрал за полгода одну двадцатую той суммы, которую следовало преподнести патрону. А как же упущенная выгода? А что с процентами? А на какие деньги вести дознание, чем умасливать хитрых свидетелей? Чем кормить колесницу правосудия, которая сломает хребет преступнику Сабыргазы и вернет бескорыстному неудачнику доброе имя? Выхода Чжоу Фан не видел, поэтому продолжал усердно работать, складывая копейки и рублики в холщовый узелок.

Зимой жалованье садовника не выплачивалось, поэтому Федор переквалифицировался в плотники. Потертая мебель засияла новым лаком, выщербленный местами паркет разлился первозданной рябью. Времени оставалось много, хватало и на охоту, и на стряпню.

Как-то в канун Рождества он бродил с ружьем по густому соседнему лесу, где неумелые ребятишки рубили елочки к празднику, хотел настрелять белочек да сшить Глафире новую праздничную телогрейку. А если повезет, то и лису раздобыть. Ее продать можно, не впервой. Тоже подспорье. Ладные короткие лыжи бесшумно скользили по неопределенности, мысли бежали впереди белок, потому добыча падала в руки сама. Уже добрых полдюжины болталось на кушаке.

Можно было, конечно, и поприжать Семена, подразнить, будто известно все про его дружков-контрабандистов, и ноги вот-вот идут к полицейскому уряднику. Потребовать к ответу Сабыргазы, а поскольку такой финал связан с разоблачением и всей шайки-лейки, то попросить способствовать в возмещении ущерба. И обелении имени. Можно бы попробовать. Да только ударить Семена – это причинить боль Солнцу. Выйдет ли что из затеи с разоблачением – еще неизвестно, а вот потерять неуверенное Глафирино расположение – это настоящая беда, потом и в России жить невмоготу.

Какая-то тень промелькнула под торжественно застывшими березами. Наверное, лисица или волк. Охотник с радостью отодвинул подальше набившие оскомину размышления и отправился по нечеткому следу. В глазах рябило от черно-белого, с редкими вкраплениями еловой свежести. Дичь ныряла за стволы, играла в прятки. Не убегала опроретью, но и не подпускала к себе для прицельного выстрела. Березняк совсем закончился, начался ельник. Мохнатые лапы, недовольно согнувшиеся под девственным снежным грузом, закрывали обзор. Скупой зимний день с трудом пробивался через частокол стройных верхушек, оттого тени лежали вольготно, разлаписто, уверенными хозяйскими псами сторожа чуткую тишину.

Добыча ныряла в еловый сумрак и тут же появлялась снова, не замечая преследователя. Это лиса! Настоящее рыжее богатство! Хватит скользить, пора затаить дыхание и прицелиться. Лишь бы не спугнуть! Федор плавно прислонил к плечу двустволку, не дыша взвел курок. Верная помощница не вздрогнула, не забренчала, только глухо охнула, давая знак, что готова. Сейчас лиса-красавица покажется из-под еловой юбки; справа или слева... вот бы угадать... Руки затекли и чесались от нетерпения. Вот!

Острая мордочка высунулась справа, доля секунды до выстрела... Бей!

Лиса исчезла, как сквозь землю провалилась, еще до выстрела. Бух! Разряженное ружье застыло в недоумении, таращась воронными дулами в бело-зеленые сарафаны. Потому что из-за пригорка донесся слабый вскрик. Федор от неожиданности резко повернулся и едва не

свалился в сугроб. Заскользил на крик, не заботясь о порванной тишине и не разбирая дороги. С размаху врезался в неприметную сосенку, спрятавшуюся под снегом, смял нарядный бок другой красавице и вылетел на поляну.

Первое, что он увидел, – такие же хрустально-серые глазища, как у Глаши. Они таращились с напуганной конопатой рожицы пацаненка лет девяти-десяти в рыжем нарядном тулупчике. Рядом распахнул в крике рот его дружок, не старше годами. А с другого конца елани, о чем свидетельствовала полоса пропаханного снега, к мальчишкам уже подобрался медведь-шатун, исхудавший, ошетилившийся, со свалывшейся злой шерстью, пьяный от голода и недосыпа. Косолапый знал, что добыче деваться некуда, не суетился, только тряс тупой мелкоглазой башкой и хрюкал, даже не снисходя до грозного рычания. Огольцам дорога перекрыта, лезть сквозь бурелом – потерять время. То ли сами они решили не бежать, то ли просто ноги отнялись, но сорванцы встречали неминуемую лютую смерть лицом к морде, даже не попробовали найти подходящее дерево. Хотя что уж, в тулупчиках и валенках разве споро заберешься по гладкому стволу?

Федор сразу понял, что не успеет зарядить винтовку. Преступные минуты украдут жизнь у мальцов. Он кинул ружье пацанам, следом полетел патронташ. Есть шанс, что успеют запихнуть пулю и насыпать порох – главное, чтобы не дробь. Но вроде большие, сообразят, таких отцы и дядьки уже всю обучают. На ходу вынимая охотничий нож из-за кушака, он подхватил валежину, разогнался на десяти саженях что было сил и ткнул косолапого в бок этой непутевой рогатиной, вложив в нее всю тяжесть невеликого тела. Туша немного покачнулась, и когтистая лапа пролетела в двух дюймах от курного носа того сорванца, что повыше ростом. Промаяхнулся. Повезло. Главное – выиграть время. Вряд ли этого выигрыша хватит для самого Федора, но мальчишки-то могут выторговать с его помощью свои не выдавшие большой дороги души.

Деревенский шкет оказался не промах: пробрался на карачках к ружью и замельтешил голыми ручонками, заряжая его. Но обзленный мишка вовсе не собирался ждать. С ревом, глубинным и кровожадным, он развернулся на обидчика. Валежина отлетела, выиграв немного времени для Феди и пацанят. Зверь рыкнул и одним прыжком подмял под себя худошавого китайца. Лыжные палки безобидно стукнули зверя по черепу и отпрыгнули вбок. Нож уперся во что-то твердое, непробиваемое, как деревяшка или камень. Не чувствуя рук, ничего не видя, обреченный китаец вцементировался в толстую шкуру, вжал голову в плечи и вложил в руку с ножом всего себя до последней капельки, до невозможности. В этот миг грянул выстрел. Острая боль пронзила ногу, и охотник подумал, что попали в него. От громкого звука медведь вздрогнул и немного ослабил тиски. Говорят, перед смертью откуда-то берутся неведомые силы.

Так и случилось. Рука превратилась в неуправляемый свинец, который выдернул нож из толстой шкуры.

Боли не было совсем, только понимание, что все закончено, и тревога за мальцов, которым следовало бы тикать со всех ног. Он представил себя худотелым недорослем на берегу Или, готовым прыгнуть с обрыва. Перед глазами встали серые воды, обратившиеся белыми снегами. Призвав волю и рассудок, постарался собраться в летящий в воду комок и с тем желанием нырнул в сугроб, уходя из смертельных объятий. Этот маневр дал немного пространства, самую малость, не больше аршина, но достаточно, чтобы замахнуться. Нож едва не выпрыгнул из рук, но удержался, не подвел.

Испачканная бурой кровью сталь вонзилась прямо в мелкий, сочащийся гноем и злобой глаз. Медведь сомкнул хищные лапы, хрустнули кости. И прогремел второй выстрел, но Федор его уже не слышал.

Глава 4

Если бы за караван-баши Сабыргазы тянулся неприметный шелковый клубок, отмеряя путь, пройденный его верблюдами, конями или повозками, той невидимой волшебной нитью три раза легко подпоясался бы земной шар вместе с океанами, пустынями и горными пиками. А уж если сложить вместе все сношенные им подметки, то в сиреневых предгорьях Заилийского Алатау выросла бы новая вершина.

Непоседлив Сабыргазы. Только приедет к поджидающим купцам, смоеет дорожную пыль с усталых ног, как уже высматривает новый маршрут, договаривается о следующем походе. Беспокойная душа тоскует под крышами, жаждет новых странствий: чем труднее, тем лучше.

Привычные буераки караванных путей с недавних пор перестали казаться заманчивыми и опасными. Ну заодно и прибыльными. А все почему? Потому что веселые джигиты позвали поиграть с ними в рулетку, которая на языке закона называлась контрабандой. Не сказать, чтобы об этом промысле не знал или не догадывался каждый, ступивший хоть разок на караванную тропу. И таможенников прикармливали, и с конвойными делились, и в перепалки вступали. Но смотреть со стороны и загребать своими руками – совсем разные вещи.

Немало отчаянных подвигов приходилось совершать рискованному проводнику: и сдирать окровавленные повязки, прилипшие к гнойным ранам, и с волками степными брататься, и мздой удовольствоваться немалой. Но весной 1896-го в одном переходе от богатого казачьего села Лебяжьего, которое Сабыргазы издавна недолюбливал, разыгралась драма. Во всем виновата жадность. Удальцы из прибалхашского аула, похоронив аксакала³⁴, решили, что им теперь сам шайтан³⁵ не брат. Закусили удила, а про таможенную, которой тоже хочется кушать, забыли. Вот и пришлось уносить ноги, спрятав товар в схроне. Опытный Сабыргазы сразу понял, что самый легкий путь устлан золотом, но лебяжинские глупцы пожадничали, и ценный груз так и не добрался до коротеньких ручек Егора, так что тот поделом осерчал. Караван-баши вовсе не собирался таиться от своих поделщиков, он просто хотел выиграть время и со всех сторон обдумать невеселый пасьянс. И правильно. Молоденький китайский караванщик слег со смертельным недугом – значит, на него можно непринужденно повесить всех собак.

Оставив Чжоу Фана в Новоникольском, Сабыргазы вовсе не поспешил в Челябинскую губернию к поджидающим заказов заводчикам. Он вернулся в Павлодар и отдал Егору товары, собранные заботливым Сунь Чианом. Так он рассчитывался с компаньонами за беспечность балхашцев и свое легкомыслие. С джигитов потом спросит, с приростом. К русским партнерам Сунь Чиана отправились с попутным обозом один худосочный нар и письмо с известием, что китайский поверенный, пользуясь недугом караван-баши, исподтишка реализовал товары неизвестным купцам и подался в бега с полными карманами чужого серебра. Сабыргазы не питал надежд, что Чжоу Фан выздоровеет, потому даже не стыдился собственной лжи. Все равно наверху обо всем доложат и праведный суд не минует никого из тех, кто бродит под луной, так что нет разницы, грехом больше или меньше.

Егор, который набирал в кругах контрабандистов все больший вес, несмотря на неказистую внешность, а может, и благодаря ей, благоволил Сабыргазы, отличал среди прочих караванщиков. Поэтому даже немилость Сунь Чиана того не страшила: Каракул без поклажи не останется. А что до бедолаги Фана... Что ж, придется привезти в следующий раз пару лянов³⁶ его престарелым родителям.

³⁴ Аксакал – дословно «белобородый»; старик, уважаемый человек (каз.).

³⁵ Шайтан – черт (каз.).

³⁶ Лян – денежная единица Китая.

Сырой осенней порой последний караван возвращался из негостеприимного Прииртышья в теплые земли. Запастись на долгую зиму справным кушем, который ждут не дождутся на китайской стороне, – и прощайте, седые берега! Егор почему-то задерживал путников, не мог наскрести обещанного. Сабыргазы нервничал: скоро над степью замельтешат злые поземки – подружки свирепых волков, дорожные хлопоты подкует кусучий мороз, и путь станет в разы труднее.

– Чего ковыряемся? Уже две недели пасемся без дела, – тряс коротышку Сабыргазы.

– Семен, черт-перечерт, подвел, зараза. Не надо доверять ему важные дела. – Егор поковырял в зубах соломинкой, отыскал что-то, подцепив, извлек наружу и довольно разглядывал, намереваясь то ли снова съесть, то ли все-таки выкинуть.

– Я не с ним дела веду, – тонкие усики караван-баши брезгливо дернулись, – а с тобой. Мне здесь зимовать, что ли?

Весьма кстати за высоким забором замусоренного и заросшего сорняком подворья, где переругивались ожидающие, раздалось лошадиное ржание и скрип телеги.

– Вот, щас с него и спросим, не бузуй, – обрадовался Егор.

Семен вошел, улыбочиво поприветствовал подельников, из-за голенища начищенного сапога вытащил кiset, не торопясь скрутил самокрутку и затянулся.

– Ну что?

– Сегодня не получилось. Паромщик запил. Через день поеду, – беспечно отмахнулся прибывший.

– Послезавтра? А мой караван? – Сабыргазы сощурил глаза, тараканьи усики поползли вверх и задрожали.

– Че запил-то? – Егор тоже взъярился. – Тащи каков есть! Чай не жениться.

– Так он своими ногами не ходит.

– Так тащи на горбу! – Маленькие злые глазки впились в провинившегося ядовитыми жалами.

– Да он боится сапоги марать. – Сабыргазы гневно хлестнул камчой по плетню.

– Все, сам пойду. А ты больше на глаза мне не кажись, – бросил коротышка Семену и поковылял к конюшне.

Баши не спеша пошел следом: помочь надо, все-таки немогущий. Он прикидывал, как карлик станет волочить на себе дюжего паромщика, – картина не воодушевляла.

Перед конюшней Егор обернулся и цвиркнул длинной слюной в сторону Семена:

– Что стоишь? Пш-шел вон отсюда!

– Правильно, – удовлетворенно хмыкнул Сабыргазы.

– Че поддакиваешь-то? – обиделся Семен. – А ты, Егорка, чего узбека слушаешь? У него свое на уме. Ты помнишь евонного китайца, что к нам приходил прошлой весной?

– Ну?

– Ты знаешь, что он не подох? Глядишь, сегодня-завтра к властям кинется. А ты ему, – небрежный тычок в сторону караван-баши, – все свои удовольствия раздырил.

– Как? – Сабыргазы застыл на месте соляным столпом. – Мне Казбек рассказывал, что с ним покончено.

– Выходил его докторишка. Так что берегись! – И Семен рассказал историю повторного появления лопухого китайца в лазарете доктора Селезнева, грозящую приятелям опасным разоблачением.

На Егора его рассказ впечатления не произвел:

– Ну и что он расскажет? Он же по-русски не говорит. Да и струсит бузовать на чужбине. По ему ж видно, что слабак.

– Нет, – возразил Сабыргазы, – Чжоу Фан не трус и не слабак. Трусливые в поход не ходят, в лавках сидят. Вы про него так думаете, потому что он на вашем языке не говорит.

– Да худоба этот ваш Фан, доброго слова не стоит. – Семен подхватил Егорову песню. – Видел я его не раз: Глашке моей кланяется чуть не до земли.

– Ну и что? Культура у них такая, ничего плохого. Мы тоже кланяемся старшим – так положено. – Караван-баши недоброжелательно смотрел на собеседников, как будто хотел добавить, что им тоже не мешало бы почаще сгинать спину.

– Не понял он ничего, черт-перечерт, не знает. Успокойтесь. – Егор примирительно замахал маленькими ручками. – Придет в себя и двинется в Китай, тогда мы его и почекрыжим. В дороге всяко легче.

Караван-баши недовольно поцокал языком, пониже опустил бессменный лисий малахай, под которым закурчавились непростые думки. Но углубляться в прошлые неудачи было некогда: с Иртыша тянуло леденящими сквозняками, следовало поскорее выйти в дорогу, а по весне, вернувшись в эти земли, искать, как разделаться с бывшим поверенным Сунь Чиана.

Сабыргазы шепнул Егору, чтобы не гнал Семена до весны, а то напортачит. Потом ласково попросил того присматривать за новым лопоухим жителем села. С тем и ушел к себе за теплые горы, а глухой зимней порой редкие подмороженные путники принесли весточку с российской стороны, что Чжоу Фан снова при смерти, на этот раз по вине медведя. Видать, не написано невезучему на роду долгих лет и семейного очага. Что ж, тем менее виновен Сабыргазы. На том и успокоился.

* * *

Доктор Селезнев принадлежал к апологетам модного атеизма, иначе он разглядел бы проявление Божьей воли в регулярном гостевании невезучего китайца в новоникольском лазарете. Снова легкие шаги Глафиры зачастили из княжеских хором по хрусткому рождественскому снегу, снова среди бреда лежащих больных слышались китайские слова с непривычными для русского уха скачущими интонациями.

– Какой смельчак Федька-то! – уважительно хвалила раненого приходящая помощница доктора бабка Степанида. – Не испужался на шатуна-то... И на что только рассчитывал?

– А знаешь, баб Стеша, – вмешался в разговор Карп, чубатый крепыш с открытым лицом, на котором выступили симметричные свеколки здорового румянца, – иногда так бывает, что не до расчетов. Просто нельзя стоять в стороне или показывать пятки. Не по-людски, да и не по-божески.

– Да, случается, – сухо кивнул Селезнев, – но такой поступок в высшей степени нерационален.

Карп приходился родным братом Глафире и по ее поручению забежал проведать не пришедшего в себя Федора. Он обитал в городе, но в отличие от непутевого Сеньки действительно работал на заводе, а в Новоникольское наведился вместе с рождественскими бубенцами с гостинцами для матери и сестрицы. Суровая складка над бровями не больно гармонировала с беззаботной улыбкой, но, возможно, эта белозубая сердечность появлялась на лице только на улицах родного селения, там, где деревья и тропинки полнились детскими воспоминаниями.

– Вы, господин лекарь, твердите что хотите, но Федьку на ноги поставьте, – поднимаясь, проговорил он.

– Это уже становится цикличным, – хмыкнул Селезнев, – не успеваю его подлатать, как он снова ко мне на постой просится.

– Ничего, ничего, хороший хлопчик, полезный. Ну прощайте, низкий поклон от матушки моей Аксиньи Степановны да от Глафиры Матвеевны. Будьте здоровы и с праздничком.

После ухода Карпа бабка Степанида оживилась, застучала мисками и ложками, несколько раз уронила швабру, наводя блеск в палатах.

– Вы спешите куда-то, Степанида Андреевна? – любопытствовал Селезнев.

– Спешу. Чую, Федька скоро в себя придет, хочю готовой быть.

– Что значит «чуєте»?

– Загадала я: коли... – Она посмотрела на Селезнева и осеклась: с постели, на которой разметался истерзанный медведем Федор, раздался вполне членораздельный вопрос:

– Кто это?

– Фаня! Ты мой хороший! Феденька! – Баба Стеша запричитала и кинулась к больному с распростертыми объятиями.

Селезнев подошел к кровати и, довольно улыбаясь, произнес:

– Вы снова доказали, дорогой Фан, что жизнь поддерживается не крепостью сложения, а силой духа. Добро пожаловать в мое привычное царство.

– Кто приходил? Музщина. – Больной очнулся, но вовсе не был склонен философствовать, его тревожили насущные вопросы.

– Это Карп Матвейч, брат вашей добровольной сиделки Глафиры. Она сегодня на службе, послала братца.

– Хо³⁷, – полушепотом выдохнул больной и закрыл глаза.

– Побольше питья, к вечеру стану делать перевязку. – Доктор кивнул бабе Стеше и вышел из палаты в прекрасном настроении. Да, Селезнев не любил, когда пациенты умирали, поэтому лечил их не за страх, а за совесть.

История бывшего Чжоу Фана, а ныне Федора без фамилии облетела окрестные села и даже добралась до города. Когда два ревуших белугой мальчика притащили на санках из леса вместо елки полутруп своего заломанного заступника, да еще и рассказали, что убили настоящего мишку-шатуна, им никто не поверил. Мужики гурьбой кинулись на место происшествия и действительно обнаружили свежую тушу. Подранок к тому времени уже истек кровью и зазеленел, ощерив пасть в смертном оскале. Зверь попался некрупный, наверное больной, потому и проснулся некстати. Но его злой мощи с лихвой хватило бы на двух огольцов, да и на китайца. Пока Топтыгин истекал кровью, он серьезно навредил охотнику, смял, сломал ребра, продавил грудь, впечатал в бревно.

– Молодец Федька, шею берег, – уважительно кивали одни мужики.

– Да нет, это мишка неуч попался, он не понял, что перед им человек. Люди-то вон какие, белочицы, желтоволосы, широкоглазы, а тут, глянь-кась, китаец. Вот Михайло Потапыч удивился и забыл, каково воевать надо, – смеялись в ответ другие.

И даже пацанята, что, выпучив глаза, неумело стреляли по спекшемуся комку человека и медведя, нисколько не обижались, что все заслуги по их спасению достались на долю Федора, а они только оплеух огребли за то, что далеко ушли и едва живы вернулись. Колька и Гринька преданно посещали лазарет и умоляли доброго дяденьку доктора спасти жизнь дяденьки китаезы, который из-за них пострадал.

Два месяца жители Новоникольского всем селом молились о здравии иноверца. Как оказалось, конфессиональные различия на небесах большой роли не играли, поэтому высшая сила присудила Федору исцеление.

К весне раненый подлатался, зарос новой нежно-розовой кожей, начал неуверенно ходить, распрямляя затекшие плечи и заполняя пустые полу-издохшие сухожилия током живой кровью. Рядом с ним всегда суетились Колька с Гринькой, не на шутку сдружившиеся с косноязычным спасителем.

– Дядь Федь, ты в этом году у князьев огород сажать будешь? – лопотал беззубый Колька, заботливо расстилая вышитую салфетку и раскладывая на ней материну выпечку – обязательное подношение бессемейному за спасение отпрыска.

³⁷ Хо – да, хорошо (кит.).

– Как работать? Не могу. – Федор с досадой разводил руками и показывал на негнибающее колено.

– Ниче, дядь Федь, ты будешь показывать, а мы с Гринькой лопатами шурудить. – Детскому энтузиазму могли позавидовать строители Великой Китайской стены.

В начале мая он переехал в облюбованную комнатуху в княжеском флигеле, возобновил занятия китайским с непоседливой княжной Дарьей Львовной, снова взялся за деревяшки, к лету начал выходить в сад, пестовать свой волшебный мирок, окучивать грядки и подстригать замысловатыми зигзагами расшалившиеся кусты. К лету все жизненные функции в непоборимом организме бывшего подданного Поднебесной империи пришли в соответствие с медицинскими справочниками, но Федор не радовался третьему рождению. Чем больше времени проходило с того злополучного дня, когда его оклеветал бездушный Сабырказы, тем меньше надежды на оправдание и искупление.

В те минуты, когда Федор беспристрастно заглядывал в собственные планы и мечты, он признавался, что не желал бы иной судьбы, кроме тихой жизни в Новоникольском, каждодневных простых хлопот, шепелявого щебета непременных Кольки и Гриньки под локтем, цветущих азалий и гладиолусов, которым не нарадуется добрая Елизавета Николаевна. И чтобы рядом порчала вездесущим призраком Глафира, ее духи, ее улыбка, ее пирожки с гусиной печенкой, аккуратно доставляемые по понедельникам. Но ведь она рано или поздно выйдет за своего Семена, а значит, запрется с ним в отдельной избе. Вообще-то страдалец мог бы серьезно помешать их счастью, раскрой он рот по поводу коротышки Егора и его прохиндейских делишек с караванщиками. Но тогда пострадает и его Солнце, его Саоцин-нян³⁸, будет плакать, тайком утирать раскрасневшийся носик, расплескивать грусть из огромных серо-голубых озер, а главное – возненавидит своего верного лопухого рыцаря. Так не годится. А пожаловаться властям на Егора и не затронуть Семена не получится.

Как назло, счастливый жених, наведываясь в село, будто нарочно проверял Федора на прочность: то передразнивал его смешные слова без окончаний и все время выбирал обидные, про физиологию, то подкарауливал у ворот и начинал расспрашивать, куражась, нравятся ли китайцу русские девки да не надумал ли тот жениться.

– Глянь-кась, Федька, какие сиськи у Машки вымахали, торчат, что твоя гора Гималай. Вот ты бы в них зарылся с головой, и никто бы не нашел – ни медведь, ни караван-баши.

– Мы так не говорить про женщина. – Федор против воли краснел и с трудом сохранял улыбку на лице, которая, по его понятиям, являлась неотъемлемым атрибутом хорошего воспитания.

– А че не говорить-то? Сразу к делу приступаете? И то верно. А как оно у вас заведено? До свадьбы можно?

– Я не понимать, извините. – Оскорбленный китаец уходил с гордо поднятой головой, хотя смысл намеков, подчеркнутый сальной улыбочкой и недвусмысленными жестами, не оставался для него загадкой.

Если рядом случалась Глафира, Семен Федора не задира, проходил мимо, гордо поднимая красивую голову. Много в его поведении подсказывало, что он догадывался о неравнодушии княжеского садовника к своей невесте: или хозяйская походка вразвалочку – мол, любуйся, какова моя краля, или повелительный взгляд, которым он оглаживал гибкую спину зазнобушки, или пренебрежительная усмешка в сторону несчастного свидетеля своего баснословного незаслуженного везения.

Но Семен в Новоникольском появлялся наездами, все время промышлял где-то, а Федор с Глафирой снова каждый день проводили бок о бок. Она в гостиную – он бежит с новой метелкой, она на двор трясти перины – он подставляет едва зажившее плечо. И чаевничали вместе, и

³⁸ Саоцин-нян – в поздней китайской народной мифологии богиня хорошей погоды.

в лазарет таскали тяжелые корзинки, куда Елизавета Николаевна умудрялась напихать всякой всячины для больных и немощных, и на лавочке сидели под поспевающими сливами, любовались закатами и неспешно, трудно беседовали о смысле жизни.

– Я хочу честный, чтобы не больно умирать. Так правильно? – спрашивал Федор.

– Не совсем, – серебряным колокольчиком разливалась Глафира. – Правильно будет: я хочу быть честным, чтобы... чтобы не стыдно было жить.

Федор повторил. А в конце добавил с вопросительной интонацией:

– Не стыдно перед люди?

– Перед людьми. А еще лучше – перед миром.

– Чтобы не стыдно было жить перед миром.

Глафира рассмеялась:

– Феденька, так не надо говорить. Давай про что-нибудь попроще. Вот про капусту, например.

– Я не хочу жить как капуста, а хочу как роза. Так хорошо?

Глафира снова рассмеялась:

– Правильно, но ты лучше так все равно не говори. Ладно?

Федор удивленно приподнял брови, отчего его глаза стали как две черносливинки, отсвечивающие глянцево-спелостью. Он так и не понял, какая именно ошибка крылась во фразе, но раз Глафира утверждала, то, разумеется, ее лопухий рыцарь не станет так выражаться. Над головами последний солнечный луч прощально подмигнул утомленной жаром черепице, рассыпав слюдяные капельки по цветочным горшкам, выставленным подышать на широкую террасу. Речка окрасилась сначала всеми цветами радости, потом тревоги и наконец уснула в сизо-серой колыбели.

– Мне пора домой, Федя.

– Я можно доводить?

– Что делать?

– Ходить вместе, чтобы ты не страшно. – Находчивый китаец научился быстро подбирать фразы и менять в них слова.

– Можно. Но зачем? Я всю жизнь хожу туда-сюда и никого не боюсь.

– Я хочу побольше говорить с тобой.

– Ну пойдем поговорим. – Глафира не позволила бы другому парню провожать себя вдоль поселка: не к лицу незамужней, но Федя – он не все, он родной, приبلудившийся, выхоженный, ему можно. Да никто и не подумает дурного. Все жители села умиляются, глядя на китайского приемыша, как окрестил его за глаза меткий люд.

Улица побулькивала разными приятными хлопотами: хозяйки варили варенье из малины и ранних яблок, кричали на детей, доили коров, мужики рубили дрова, топили бани, жизнь лилась из открытых настежь окон и смешивалась с ароматом самосада и поспевающих груш.

– Мне тоже надо варенье варить, поспешу. – Глафира все-таки застеснялась чужих глаз, ошупывающих ее в паре с китайским проводником, и заспешила домой.

– Я могу помогать.

– Не надо.

– Я хочу помогать.

– Не надо, Феденька, завтра увидимся и поговорим. – Она быстро повернулась и побежала, а Федор остался один посреди улицы, где у каждого находилось дело, дом, хозяйство, кроме него одного. Он понуро поплелся назад к княжескому особняку и до ночи яростно полол и вскапывал непослушные грядки.

В конце лета снова приехал Семен. Решительно настроенная Глафира встретила жениха неласково. Маменька Аксиныя Степановна уже не раз грозно сдвигала брови, хмыкала, намекала, что засиделась дочь в девках:

– Глупая ты, Глашка, как есть глупая. Всех приличных женихов расхватают, с кем останешься? Зачем Митрофанову от ворот поворот дала? Зачем с Савелием не была ласкова? Так и хочешь всю жизнь с мамкой куковать?

– Да мне и с вами неплохо, маменька, – попыталась обороняться дочь, – ведь никто не сватался как положено, только на вечерках хороводились. Что ж мне, на шею вешаться?

– Не сватался, потому что ты морду воротить. А поласковой бы посмотрела, они бы как миленькие прибегли. А то ходишь со своим Сенькой, а толку-то нет. Он везде тебя и ославил, теперь каждый думает про тебя что хочет.

– Неправда, – вспыхнула Глафира, – ничего такого не думают. А разве уж и поговорить нельзя промеж собой нам с Сеней? Я и с другими вон разговариваю.

– С кем? С Федькой-китайцем? Так и иди за него. Он надышаться на тебя не может, – то ли в шутку, то ли всерьез кинула мать.

В тот раз Глаша убежала и после два денечка дулась на маменьку, чаю вечером не пила, сопела и отворачивалась. На третий день отошла. И жизнь покатила привычным колом от зайца к волку, от волка к медведю и так дальше. Тем не менее затаенная злость то ли на Семена, то ли на маменьку, то ли на себя жгла под ситцевой кофточкой, точила, проникала в плоть, как прожорливый червяк вгрызается в спелую мякоть, и догрызла до самого обидного, что требовало немедленных объяснений.

– Сеня, мне с тобой миловаться недосуг, – ответила она на приветствие, – я девушка не засватанная, мне с парнями на улице разговаривать зазорно, маменька не велит.

– Ишь ты, – растерялся Семен и аккуратно сплюнул под ноги, рядышком со своими начищенными сапогами. – Так я пойду к твоей матери, разберусь.

– Так ты иди сначала к ней, а потом со мной поговоришь, – холодно ответила Глафира, отвернулась и поплыла вдаль, стараясь повыше задрать голову и расправить плечи. Вот она какая. Не хочет по-людски – не надо, она себе и другого найдет. Подошла к своей калитке, хлопнула дверью, едва не прищемив хвост верному Барбосу. Эх, Сенька, не смог тут же признаться в любви, как бывало уже много раз, не натянул силой на палец колечко, не схватил на руки и не закричал: «Моя!» Эх, непутевый! Она разрыдалась. Спелые сливы качались на ветках в такт ее переживаниям, по-доброму косили фиолетовыми зрачками, предлагали подсластить незадавшийся вечер. Когда у калитки послышались шаги, Глаша вздрогнула. Что делать? Наверное, Сенюшка со сватами пожаловал, а она зареванная. Вот это здрасти! Ждала-ждала сватовства, а как сваты на порог, она в слезы. Подумают, что от счастья. Какой позор! Точно говорит матушка, как есть никудышная. Она забежала в сени, схватила утирку и прижала к мокрому лицу.

– Глаша, ты дома? – из-за забора раздался голос соседа Викентия. – Я в город, Карпу не надобно ли что передать?

Глафира вздохнула с облегчением – значит, нет никаких сватов, не придется краснеть. А потом разревелась пуще прежнего. Опять нет никаких сватов. Никудышная – она и есть никудышная!

Назавтра она пришла в княжеские хоромы мрачная и решительная. Пух и перья летели из ни в чем не повинных перин, пыль нещадно выбивалась из пуфиков, муаровая обивка едва не трещала под проворными руками. Федор почуял что-то неладное, насторожился, но не сбежал, напротив, робко постучался в открытую дверь, подошел и встал рядом:

– Я буду помогать.

– Иди, у тебя в саду хлопот полно, – отмахнулась Глафира, не до него сейчас.

– Я имею время, надо помогать, кому хочешь. Когда хочешь. – От волнения китаец заговорил почти правильно.

Глаша улыбнулась.

– Я лучше побуду одна, – сказала спокойным голосом, без дрожи и обиды и сама порадовалась, что печаль отступает под натиском трудовых будней.

– Нет, ты беспокойна. Я буду рядом. – Он схватил огромный стол, переставил его, молча, без лишних движений скатал ковер. Глафира смотрела и невольно улыбалась.

Вечером Семен встречал Глашу, как обычно, у беззаботно распахнутых ворот усадьбы, но она прошла мимо, не повернув в его сторону головы. Следом вышел Федор, печально прожояя взглядом тонкий силуэт, уплывавший в вечерний зной суетливой улицы.

– Что, Федька, нравится моя Глашка? – спросил Семен не поздоровавшись. – Слюнки небось пускаешь ночами, чертяка узкоглазая? А не видать тебе такой ни за что, даже одним глазком.

Грубая насмешка холодной волной ударила по макушке, смыла теплый осадок приятного и полезного дня – казалось, Федор нырнул в ледяной Ишим и вынырнул, оставив на дне хорошее настроение и благовоспитанность. Он отвернулся и ушел назад в княжеский сад. В голове шумело, левое стало правым и наоборот. Зачем поддевать? За что насмеяться? Наверное, не стоит беспокоиться о таком человеке – рассказать, что известно, уряднику, и дело с концом. Вряд ли Солнце будет с ним счастлива. А если не с ним, то с кем?

А Глафира пришла домой и снова плакала долгими злыми слезами. Не придет Сенька со сватами, как пить дать не придет. И что теперь делать? Нового искать? Зачем? Где? И куда его сажать, если сердце плотно занято одним темнокудрым красавцем, больше никому места нет?

Слезы – отличный выпроваживатель сердечной тоски. Выплакалась – и легче стало. На третий день уже не ждала сватов, не высматривала на улице крепкую фигуру в сдвинутом набок картузе, не выметала по три раза половики. А на четвертый день непутевый женишок снова уехал. Грустная Глафира натирала хрустали в княжеском буфете, когда в столовую неслышно вошла Елизавета Николаевна.

– А почему бы вам, Глашенька, не взять выходной да не съездить в город развеяться? – праздно, будто они только что болтали о модных платьях, произнесла старая княгиня.

В серо-голубых глазах горничной мелькнуло удивление. Раньше княгиня не пеклась о досуге горничной. Или что-то прознала про Семена? Правду маменька сказала, на нее в селе смотрят искоса, невенчанной с парнем прогуливалась, принимала его в горнице, платки, им даренные, носила и хвасталась. Зачем такая в барском доме? Проклятый Сенька всю жизнь испохабил, глаз не казать отныне.

– Я считаю, Глашенька, – Елизавета Николаевна, заметив смятение сероглазой, поспешила ее успокоить, – что молоденькой барышне бывает полезно проветриться, потратиться на наряды, познакомиться с новыми людьми, м-м-м... перспективными. Я знаю, что братец ваш – Карп, кажется, – в городе живет и работает. Вот он вам сможет организовать отличные вакации.

– Да-да, Карпуша – братец мой родной, – растерянно пролепетала Глаша, – но зачем мне к нему ехать? Я здесь нужна, да и Федя... – Она не закончила предложения, сама не зная, при чем тут садовник-китаец.

Княгиня задумчиво посмотрела и ничего не сказала, только, покидая комнату, улыбнулась и пожелала хорошего дня.

Пришли холодные сентябрьские зори с притихшими закрытыми ставенками, с недовольным бормотаньем заспанных кур. Рассветы опоясывали горизонт нарядной лентой и убежали прочь, растворяясь в прозрачном терпком воздухе. Федор, босой, встречал их на берегу Ишима, под обрывом. Оголившись по пояс, он делал гимнастику, а в конце, умаявшись, нырял в холодную речку и плыл против течения сколько хватало сил. Поначалу не больше версты, потом две, три...

Вечерние посиделки с Глафирой служили и отдыхом, и вознаграждением за пролитый пот.

– Ты почему сильно-сильно работает и не отдыхает? – спрашивал он, разглядывая покрасневшие от холодной воды руки.

– Работает – отдыхаешь, – привычно поправила она. – Ни капельки не много я работаю. А как отдыхать? Лежать на печи? Зачем?

– Нет, отдыхать – это говорить с я.

Глафира рассмеялась:

– Я и так с тобой много болтаю.

– Не с Федя, а с Гляша. Вот так: я говорить с я. – Он потыкал пальцем себя в грудь.

– А! Говорить с собой. Повтори.

Он повторил.

– Молодец, – похвалила неусыпная учительница. – О чем мне говорить с собой?

– Надо рассказывать собой, спрашивать, главное – показывать, доказывать... спорить. Ты должен смотреть в небо, видеть дух. И разговаривать. Так сила приходит.

Глаша не с первого раза, но усвоила, что нужно сесть расслабившись, закрыть глаза и отдаться на волю скрытой внутри стихии, не стыдась гнева, не пряча разочарований. А когда глаза откроются, в голове сами собой появятся ответы на сложные вопросы. И усталость как рукой снимет. Чудно, но действительно. Никому о своих находках она говорить не стала – засмеют. Но сама втихомолку пользовалась, и только корова Марта могла свидетельствовать, насколько успешно двигалась сельская горничная в российской глубинке по пути просветления.

А Федор все усложнял свои утренние экзерсисы. Шаховские и их слуги, глядя из окна на худого, с торчащими ребрами китайца, пожимали плечами. Одна Глафира все переживала, что Феденька снова заболеет. Видать, и ей прискучило носить блины в лазарет. Но он не думал болеть, больше того, чувствовал в себе решимость снова сразиться с медведем, на этот раз без помощи мальчишек, или сразиться с Сенькой, а еще лучше с Сабыргазы. Только возвращаться к Сунь Чиану бывший торговый поверенный отныне не желал.

Вместе с первыми неласковыми дождями, смывшими последнее золото с ветвей и кинувшими его ненужными бурными кучками на посеревших и поскучевших садовых аллеях, появился в очередной раз Семен. Он выглядел поникшим, вместо картуза – невзрачная кепка рабочего, даже сапоги не чищены. Во взгляде шуршала настороженность, иногда, невзначай, уступавшая место злости. Подкараулив Глафиру ранним утром по пути на службу, он долго и преданно умолял простить, жаловался на преследовавшие неудачи, бестолково пробовал объяснить, с кем или с чем они связаны, и, конечно же, клялся в любви. Под конец пообещал наведаться вечером со сватами.

Федор, встречавший поутру входящих слуг вместе с сонливым дворником дядей Мишей, а иногда и вместо него, стал невольным свидетелем и объяснений, и доверчивой Глашиной ручки в широкой Семеновой ладони, и робкой улыбки. Он не вышел привычно навстречу из дворницкой, не поспешил принять легкий тулупчик, понял по танцующим губам, что его привычные приветствия и преданность сейчас неуместны. Просто проводил взглядом, тяжело вздохнул и побрел во двор готовить грядки к суровой зиме.

– Эй, узкоглазый! Подь сюда! – раздался окрик из-за ворот.

Федор удивленно потянулся на зов тощей шеей и стал похож на любопытного гусенка.

– Тебе говорю, нерусь! – Это, оказывается, Семен его звал.

Приосанившись, вмиг утратив сходство с домашней птицей, которую застали врасплох, китаец прошел за ворота, сдержанно поприветствовал причмокивавшего самокруткой визави.

– Ты послухай, если жить хочешь. Тикай отседова подобру-поздорову. А то сильные люди про тебя интересуются. Того.

Опять это «того». Что оно означает все-таки?

– Я худо не знаю, не делаю, не думаю. Я не убегать надо, – с достоинством ответил Федор, – это злые люди против я.

– Смотри. – Семен прищурил влажные глаза, тень от длинных ресниц упала на полщеки, дотянулась до густой бородки, некогда умело подстриженной городским цирюльником, но уже потерявшей элегантность. – Я тебя предупредил: твои друзья не любят шутковать.

– Это не мои друзья, это твои друзья. – Оказывается, в минуты волнений китаец говорил без ошибок, да и акцент чудесным образом прятался. – Тебе надо бояться, им надо бояться. Правда ходит по дороге своими ногами.

Последнюю фразу он долго заучивал с помощью Глафиры, он ее перевел с китайского и теперь радовался возможности покрасоваться изысканным оборотом речи. Но на Семена неожиданное красноречие не произвело должного впечатления. Глашин жених действительно желал бы китайцу исчезнуть, испариться – и вовсе не из ревности: вчера Сабыргазы попросил приглядывать, а завтра, глядишь, прикажет избавиться от нежелательного свидетеля. Кому это поручат, как не Семену? А подается Федька восояси, так и свою шею сбережет, и ему, доброхоту, рук марасть не придется. Жалко, что не слушает. Семен сплюнул под ноги, повернулся и пошел прочь, насвистывая нехитрым мотивчик.

Весь день Глафире не сиделось на месте. Она и не заметила, что верный лопухий рыцарь не показывает плоского носика, даже не прибежала к нему вечером, чтобы поболтать, отдыхая, и в очередной раз поучиться хитрой науке самовнушения. Ей нынче не до него: к вечеру следовало хорошенько начистить горницу для приема сватов. От счастливых мечтаний лишь однажды отвлекла Елизавета Николаевна, некстати позвавшая перебирать старые платья и разразившаяся воспоминаниями про молодость, про любовь с Венямином Алексеичем, про частые глупые слезы.

– Вы, Гланюшка, смотрите не на лицо, а на руки, – напутствовала старая княгиня неопытную в любовных делах горничную. – Если работающий, то пусть хоть косой, хоть рябой... хоть китаец, – обронила и искоса посмотрела на Глафиру – не насторожится ли. Но нет, намеки счастливо пролетели мимо овечьей радостным предвкушением золотоволосой головки. Тогда пожилая дама продолжила уже настойчивее: – Это в ваши нежные годочки кажется, что свадьба – конец. Увы и ах! Свадьба – это только начало. Спросите хоть у своей матушки, легко ли одной детей поднимать? А инакость – она ведь бывает и к добру. Привитые от разных деревьев ростки сильнее и плодовитее. А цветы красивее и сочнее.

– Это платье в чистку отдать пора, Елизавета Николаевна.

Оказывается, занятая праздничными думками Глафира ее вовсе не слушала. Княгиня вздохнула и отдала ей незаслуженно пострадавшее во время обеда платье.

Вечером Глаша бежала домой вприпрыжку, растрепав пшеничную косу и запылив подол. Маменька еще не вернулась с фермы, значит, прибираться придется одной. Сначала поставила блины, наскоро затопила печку: пусть прогреется к приходу сватов, хотя на улице еще не те морозы, чтобы дрова попусту тратить. В горнице и без ненужных хлопот царил порядок, но она на всякий случай поправила застеленные овчиной лавки, смахнула пыль со старинного резного сундука, поменяла накрахмаленные кружевные салфетки на столе. В окно, выходящее на улицу, тихонько поскреблись.

– Глань, выдь на минутку, – позвал Сеня.

– Не могу, тесто подходит, а маменьки нет еще.

– Ты... того, сегодня не получится. Сваха на ярмарку уехала. Мать без нее ни в какую не соглашается идти. Завтра ждите.

– Опять? – Глафира не смогла сдержать разочарования, слезы опасно подступили к ободу густых ресниц.

– Не опять, ты не думай. Выдь-кась ко мне. Поговорить про будущую супружескую жизнь надобно.

Глаша убрала некстати подошедшее тесто в холодную кладовую, накинула зипун (к вечеру заметно холодало) и выбежала за калитку.

– Пойдем прогуляемся? – предложил Семен. – Житуху обсудим. Я вот гостинец привез.
– Да что с тобой, Сеня? Беда какая? – Глаша уловила в словах жениха неуверенность, невысказанную просьбу.

Они побрели к речке, где готовились ко сну пузатые стога, обещая тепло и уют прибудившимся душам. Сумерки на берегу казались плотнее, будто сказочный водяной выпускал застоявшийся в могучих легких пар и тот полз из глубины, сгущаясь и холодея. Уже остался позади лай соседских собак, приметная рябина в начале сельской улицы, из-за которой ту и прозвали Рябиновой, справа щетинились стерней скошенные поля, слева неприветливо темнел обрыв.

– Я ведь не просто так, я ж люблю тебя, глупая, – начал Семен. – Мне работа нужна денежная, а к тебе князья благоволят. Как ты думаешь, не оставят своей милостью?

– Да нет, не оставят. Они люди добрые и щедрые. Меня за столько лет ни разу не обижали.

– Это все х... – здесь Семен грязно выругался, – Мануил Захарыч со своими придирками. Но ты ведь сумеешь упрямить, чтобы мне хлебное местечко сыскалось?

– Да не знаю я, Сеня, никогда не пробовала просить Елизавету Николаевну. У меня же с ней все дела, а хозяйством заправляют Веньямин Алексеич с Глебом Веньяминычем. Откуда мне знать?

– Не хочешь, значит? – В голосе жениха Глафире послышалось неодобрение, но тут же разговор перешел на сладкое – на любовь. – А и ладно, потом разберемся! Дай обнять тебя покрепче, душенька, здесь никто не видит, да и темно уже.

Глафира застенчиво уперлась кулачками в крепкую грудь. Шелковый платок – подарок Феде-китайца – не выдюжил под натиском горячего дыхания и соскользнул с шеи.

– Ой! – только и вскрикнула, провожая ядовито-желтые складки, растекающиеся по воде и уплывающие вместе с течением в ночь.

– Пожди, я мигом, – пообещал Сеня и, широко ступая, ринулся за платком. Но невесомый шелк оказался проворнее, отплывал от берега, будто подгоняемый невидимыми веслами. Сапоги уже захлестнула вода, а рука все никак не дотягивалась до яркой тряпицы.

– Сеня, брось его, простыл уж! – позвала Глафира, видя, что ее кавалер едва не по пояс в воде.

– И то верно. – Семен вернулся на берег, подбежал к ближнему стогу, скинул сапоги с мокрыми портянками. Из перевернутого сапожного зева вытекло с полведра. Он потоптался босыми ногами по сухому селу.

– Поди ко мне, лебедушка, присядем тут, ногам зябко.

Глафира подошла, но присесть не успела. Настойчивые поцелуи дерзко впились в шею, сдвинув на сторону ворот блузки, ее дыхание сбилось, сладкая истома потекла по ключицам, на минуту застыла в грудях, налив их каменной могучей похотью, спустилась к животу, скрутила внизу крепкий узел и медленно, но необратимо потянула к чреслам, заставляя нервно переступать ногами и постанывать. Она и сама не заметила, как слились их губы, как ее руки обхватили гладкую крепкую шею и начали поглаживать кудрявые завитки за ушами и ершистый затылок. Невиданное доселе, неуправляемое желание прилепило ее к широкой груди, снова натываясь губами на его губы, скулы, уши. То, что жило отдельно от разума, отчаянно отбивающее ритм в низу ее живота, требовало выхода. Она очнулась, когда ощутила холод. Семен, рассупонив ворот блузки, жадно мял руками ее груди, причмокивал, присасывался к ним ненасытным ртом и громко стонал. Одна его рука отпустила измученный в неравной схватке сосок и задрала до невозможного подол платья. По ногам засквозило. Она ойкнула и попыталась отстраниться. Сильные руки приподняли ее и уложили в пахучее сено.

– Нет, не нужно... прошу тебя. – Ее голос сорвался, хрип смешивался со стоном.

Семен снова принялся за груди, отчего холод отступил, снова растопился жар, перед глазами всплыло маменькино лицо:

– Пусти же, Сеня!

– Как же я пушту-то тебя, ладушка? А кто колечко Глебкино носил? Или одному токмо княжичу можно? – приговаривал Сеня.

– Нет, пусти, – твердил Глашин непослушный язык.

«Давай еще! Мни сильнее! Соси и жми!» – не соглашались с языком вздыбившиеся груди.

Мужская рука закралась в самое заветное, куда нельзя ни за что. Острое, ни с чем не сравнимое наслаждение подбросило до самых небес и уставилось в глаза любопытными звездами. Сквозь них проступил силуэт маменьки: «Никудышняя ты, Глашка!» Снова волна восторга прокатилась по телу, заставляя его вздрагивать и подпевать, не замечая ни острых стебельков, царапавших голые ноги, ни саднивших от грубой щетины губ. «Никудышняя ты, Глашка!»

Голос прозвучал словно наяву. Глафира нашла в себе силы согнуть в коленях ноги и оттолкнуть тяжелое, навалившееся сверху туловище. Тело просилось за ним, требовало продолжать праздник, но маменькин голос не умолкал в ушах.

– Нет, Сема! Не сегодня, не здесь, не сейчас.

Однако Семен тоже горел райским предвкушением. Он, не слушая, снова навалился на гибкое девичье тело, опять начал шарить под юбкой, рвать едва запахнутый на груди ситец.

– Нет, сказала же тебе! – Глаша пришла в себя и боролась жестко, без дураков.

– С чего это? Я ж тебя люблю! Давай! Смотри, как хорошо нам.

– Нет, нехорошо. Поженимся, тогда и будет хорошо.

– Какой жениться? Я должен сначала проверить, девица ль ты. Или все же успела с Глебкой снюхаться? Что у тебя под юбкой? Много ль чести для меня сохранила?

– Что? Как? – Ни следа от бывлой истомы не осталось, вся сладость бражки превратилась в горький испорченный самогон.

– Ништо! Никак! Раздвигай ноги, говорю! – Семен уже развязал пояс и оголил поджарый зад с парадно торчащим мужским достоинством.

– Что проверить? Как ты сказал? – Глафира наспех одергивала юбку, прикрывала запахнутую грудь и заполошно, запутываясь в сене, пыталась встать на ноги.

Ее повалила навзничь сила, с какой до того не приходилось встречаться. Ноги оказались по разные стороны чужого враждебного тела, острая боль пронзила промежность. Несчастливая закричала, понимая, что собственных сил на борьбу у нее не хватит.

– Не ори, дура, я ж только проверю, девка ли, стоит ли с тобой жениться, – грубо проворчал Семен, елозя коленями по гладким скользким бедрам. – А потом поженимся, обязательно поженимся. – Он одной рукой пытался зажать орущий Глашин рот, а второй механически тискал замученную грудь. Острая боль разрывала нутро, заставляя кричать все громче.

Она почти не слышала звука глухого удара; боль отступила, тяжелый ком чужой плоти вдавил ее в стог, между ног потекло что-то горячее. Сильные руки перевернули придавившее тело, под руку попался скользкий черенок, на ощупь похожий на толстую скалку, твердый, горячий и влажный, пахнувший стыдом. Глафира смогла вздохнуть. Сеня не подавал признаков жизни. Кто-то протянул руку. Она села, боясь взглянуть на своего спасителя. Тонкие огрубевшие пальцы и так без слов поведали ей, кто их хозяин.

Семен завошкался, замычал, приподнялся:

– Ах ты, китайская чертяка! Что, полакомиться захотелось? Не попробовать, так хоть поглазеть? – Он дернулся, но спущенные штаны не позволили сделать шаг, и снова повалился, теперь уже под ноги Федору.

Глава 5

Будь Венямин Алексеич немножко поспесивее, он бы своей родословной легко заткнул за пояс любого петербургского придворного. Предки Шаховского упоминались еще в летописях Смутного времени, правда, им тогда не повезло, поэтому записан только скупой факт: такого-то числа казнен. С беспокойных Петровых времен Шаховские не жаловали столицы, предпочитали все больше по вотчинам отсиживаться. Конкретно в Екатеринбургской губернии. Случались в роду и блестящие военные, как, например, дед нынешнего князя – лихой кавалерист, прославившийся в Отечественной войне 1812 года, или его двоюродный брат – герой турецких баталий. От деда в доме хранилась наградная сабля, врученная, по преданию, генерал-лейтенантом Федором Петровичем Уваровым – легендарным первым шефом Кавалергардского полка. Маленький Венечка часто просил отца показать ее, гладил шершавую кожу ножен. Но вместе с первым юношеским пушком тяга к холодному оружию, да и вообще военному делу, у него ослабела.

Отучившись за границей и немного послужив для порядку, князь вышел в отставку и посвятил себя светским забавам, бесславно прожигая в столицах невеликие батюшкины капиталы и крепкое по молодости здоровье. Ничего интересного, умного или значительного Венямин Алексеич в титулованных кругах не отыскал, заскучал. В праздных разговорах менялись только имена и географические названия, новых сюжетов не попадалось. Тут подоспел указ об отмене крепостного права, давно ожидаемый передовым дворянством. Надежды на просвещенную Россию некоторое время опьяняли умы патриотов, но недолго. В итоге первые тридцать пять лет жизни бесславно прошли в изучении надушенных перчаток и пошлых стишат в шелковых альбомах, от которых почему-то становилось стыдно читателю, хоть писались они кем-то другим, бессовестным, не жалеющим «трепетных взоров» и «нежных ланит», бросающим на произвол судьбы «томные жесты» и «божественные звуки». Князь краснел, натываясь на подобное безобразие, и все равно благосклонно кивал в ответ на требовательный взгляд хозяйки – хвали, мол, почему не хвалишь? Отчаявшись найти в столицах дело по душе, он вернулся в родные места и надумал жениться. Екатеринбургский губернатор предложил приличный пост, и, казалось бы, за невестой дело не стало. Однако напыщенные чванливые барышни, прежде всего заглядывающие в Табель о рангах, оставляли его равнодушным, а самое главное – снова совали под нос альбомы со стишатами. Что до неземной красоты, то он повидал всякой, так что на эту испытанную женскую удочку не попадался.

Елизавета Николаевна происходила из небогатого и незнатного рода. И, честно говоря, на момент судьбоносной встречи стала старовата для замужества – целых двадцать восемь лет. Она предпочитала танцам книги, потому и засиделась в девках, пока более проворные раскадрировали видных женихов. Родители сначала досаждали, притаскивая в дом то неуклюжего наследника лесопилки, то чудесным образом разбогатевшего судовладельца, кажется в прошлом рядового картежника. Лизонька кривила длинный нос и молчала как дура, хотя на скудный кругозор не жаловалась и целыми днями не выпускала из рук книжек. В конце концов маменька с папенькой махнули рукой на старшую дочь, занявшись устройством судеб ее сестер – более кокетливых и падких на мужское внимание.

Книги – опасная вещь. После них уже не хотелось беседовать с суженым о дровах или лошадях, а хотелось о поэзии, музыке и театре. Случайная встреча с Шаховским ничего не обещала – кто он и кто она? Поэтому разговор затеялся искрометный, без ужимок и стрельбы глазами. Они жарко спорили о кончине журнала «Современник», о Дмитрие Григоровиче и Павле Анненкове, о покуда непонятных европейских шедеврах, обзываемых чудным словом «импрессия», и о том, куда катится русское искусство. Наговориться никак не могли. Уже все

гости разошлись со званого обеда, а Елизавета Николаевна все спорила с самым завидным женихом губернии об опасном рассказе Ивана Тургенева «Ася».

Назавтра Веньямин Алексеич нанес визит в скромную квартиру отставного майора, стесняясь, напросился на пустой чай в обществе Елизаветы Николаевны и признался:

– Мы вчера не договорили, я всю ночь не мог заснуть.

Так и родилось это чудо любви. По прошествии четверти века Шаховские все никак не могли наговориться. Обсуждали с одинаковой страстью и урожаем пшеницы, и римское право. Елизавета Николаевна могла ночью разбудить супруга и прочесть отрывок из новой поэмы никому не известного поэта, а Веньямин Алексеич скакал, загоня лошадь, чтобы поделиться новостями о чудесах голландской агрономии.

После свадьбы князь оставил Екатеринбург и купил большое запущенное имение возле Петропавловска. Далековато, зато недорого. Они достроили дом, завели молочное стадо. Маленький Глебушка родился уже в Новоникольском. Петербургский приятель порекомендовал опытного голландца в управляющие, и уже через пять лет маслобойное предприятие начало приносить доход. Мануил Захарыч стал не правой рукой хозяина, а его запасной головой. Причем запасная работала не в пример успешнее собственной, вечно занятой рассуждениями о литературе, глубокомысленными статьями, которые князь печатал в «Аграрном вестнике», и воспитанием наследника.

Глеб Веньяминыч получил лучшее, на что мог претендовать провинциальный дворянин. Мягко и умело его отговорили от столичных распутств, от политической стези, еще от каких-то заблуждений. Учителей пристально отбирала Елизавета Николаевна и чаще положенного недовольно качала головой, убедившись, что эрудиция педагога недотягивает до ее высоких кондиций. Мальчик рос добродушным, трудолюбивым, не бунтарем и не тряпкой – как раз то, что надо. Матушкин длинный нос на его лице чудесно вписался в породистое вытянутое лицо Шаховских. Так что теперь и нос казался умеренным, и подбородок не торчал на лишние полвершка. Волосы он унаследовал темные, вьющиеся, как у прадеда-кавалериста, а глаза малахитовые, задумчивые, такие впору графу Монте-Кристо. Другими словами, княжич получился редким красавцем.

Пока заводик приносил невеликий доход, Глеба готовили к профессорской карьере, заставляли зубрить энциклопедии, языки, названия древних городов и трудновыговариваемые имена правителей. Поначалу отпрыск противился, но заманчивая картинка, нарисованная родителями – пышная кафедра при императорском университете и бурные аплодисменты расстроганных коллег, – поборола в нем недостаток усидчивости.

Однако вместе с Глебом Веньяминычем рос и завод. Когда княжичу стукнуло пятнадцать, Шаховские числились в первой сотне омских богачей и постоянно ползли вверх в этом почетном списке, которому, если честно, верить вовсе не следовало. Тогда князь-отец срочно поменял воспитательную политику: он стал готовить сына в аграрии. Раз есть чем кормиться дома, зачем искать вольных хлебов? К такому повороту сын оказался не готов и отпросился в Европу – попутешествовать, партнеров-толстосумов посмотреть, иностранным мадемуазелям удаль молодецкую показать. На том и договорились.

Вернувшись в 1895-м в возрасте двадцати семи лет, Глеб Веньяминыч заявил, что в одном из французских живописных салонов встретил свою судьбу и намерен провести длинный остаток лет рядом с ней. Родителям оставалось только порадоваться, что сын-быва избранница оказалась все же русской дворянкой, а не испанской рыбачкой или немецкой пастушкой, и они стали радостно готовиться к празднику.

Веньямин Алексеич с годами превратился в абсолютного Манилова: делами ведал поверхностно, все повесил на ретивого Мануила Захарыча, а свободное время посвящал философии, литературе и богословским беседам с батюшкой Порфирием. Дальше собственных владений не смотрел и Глебу не велел:

– Я, *mon cher*³⁹, – вел он назидательные беседы с сыном под предлогом передачи ценного хозяйственного опыта, – целью своей жизни ставлю комфорт и благосостояние своих ближних, тех, кто мне доверился. Будут жить в достатке жители Новоникольского – я, считай, свою миссию выполнил. А о судьбах всей России вовсе не задумываюсь. Что такое Россия? Скажи мне? Это не Петербург с Москвой. Россия – это Новоникольское и еще тысячи сел. В каждом люди. Будут счастливы все селяне – станет счастливой Россия. Так что я на своем месте и делаю то, что каждому бы не помешало. И тебе завещаю держаться этой стези.

Новоникольское стало нешуточно выделяться среди уездных хозяйств. Соседи приезжали, спрашивали, Веньямин Алексеич щедро делился опытом, но такого Мануила Захарыча больше ни у кого не было, поэтому и успеха в процентном выражении им доставалось поменьше.

Зато Глеб научился водить автомобиль. А Мануил Захарыч от вонючего шумного транспорта все отказывался, хотя князь и предлагал купить, даже не раз.

– Мне приятно прокатиться по старинке. Может, мне мысли толковые приходят в это время, – отмахивался в очередной раз принципиальный директор и шел самолично угощать лакомствами гнедую лошадку.

Мирный и доброжелательный взгляд князя на свою невеликую роль в истории передавался всем, кто служил у Шаховских: помогали тем, кто рядом, не ждали милости из столиц. Когда судьба подкинула в Новоникольское китайца, и его приняли как своего. Раз судьбе так угодно и раз этому человеку нужна помощь, пусть он станет частью их большого гостеприимного дома. Ведь если каждый кому-то поможет на этой земле, то в один прекрасный день просто не останется сырых и обиженных.

Чжоу Фан это понял и испытывал благодарность, удивление, смущение – все вместе. Но в его судьбе все пошло кувырком, ухнуло с обрыва в быстрые воды Иртыша, спряталось под землю в древнем мазаре, где кочевники хоронили своих предводителей.

Все детство китайскому мальчику твердили, что трудолюбие вознаграждается, и он верил. До зеленых мушек в глазах корпел над непослушными иероглифами: то рисовал их на тончайшей рисовой бумаге, то выпиливал из твердого дерева. В лавке Сунь Чиана о нем никто дурного слова не сказал. Мечта была простой и вполне осязаемой: разбогатеть, открыть свое дело, построить дом с приветливыми окнами, глядящими в необычный, полный лукавых придумок сад, у окна поставить чуан⁴⁰, но не маленький, как обычно делали в китайских домах, а во всю стену, как у богатых людей, чтобы на нем могли спать и трое, и четверо. Когда-нибудь он обзаведется женой, она нарожает дочек, и они все вместе будут сидеть перед открытым окном, а запахи цветущей сливы принесут сны о волшебных богатствах. Исполнение этой мечты было в его собственных руках, зависело от трудолюбия, сметливости и экономности. Ну и, конечно, репутации. Без доброго имени в торговле шагу не ступить, но Чжоу Фана это мало волновало, ведь его имя не нуждалось в защите.

Когда крикливый Лу Шен оповестил, что имя втоптанно в грязь, он воспротивился, восстал, не мог поверить, что хрустальная мечта о чуане перед окном разбилась, рассыпалась в пыли караванных дорог. Потом догадался, что это и есть легендарное испытание, которое уготовано сильному духом мужу. Надо просто его преодолеть, и тогда снова появится призрак затейливого сада. Но теперь недостаточно просто честно и много работать – теперь надо примерить одежды воина и биться за справедливость. К этому, честно говоря, Чжоу Фан никогда не стремился, даже сказки в детстве читал больше для сестренки, сам в них не верил.

³⁹ *Mon cher* – «мой дорогой» (*фр.*).

⁴⁰ Чуан – старинная лежанка (*кит.*).

Что ж, тем хуже, придется действовать, не опираясь на опыт сказочных богатырей. Жаль, что ни с кем не мог поделиться своим планом, повертеть, поразглядывать с разных сторон. Когда чужой рот произносит слова, в них появляются новые смыслы.

Вступая на сложный путь борьбы, порядочному воину следовало обзавестись собственным летописцем. За неимением такового Чжоу Фан решил сам подробно расписать перенесенные мытарства. Три дня корпел над посланием для Сунь Чиана, в красках обрисовал мотивы, покаялся, что помогал коварному Сабыргазы, и попросил прощения. Если не суждено вернуться под бархатное небо Поднебесной, пусть память о нем останется доброй. Отцу с матерью тоже написал: не так живописно, зато сердечно. И князю Шаховскому заодно, надо ведь поблагодарить хорошего человека. В письме разъяснил, что гонит их преданного слугу и откуда ждать неприятностей. И Егора упомянул, и Семена, и Казбека. Как знать, завтра с кем-нибудь еще может напасть приключиться, надо предостеречь.

В почтальоны выбрал все того же Степана – кучера Мануила Захарыча, покладистого и ответственного мужика, вроде сметливого, а главное – расположенного к китайцу. Пришел к нему в сумерках, неуверенно постучал в ворота. Хозяин отворил не сразу, пришлось порядком примять траву перед его воротами.

– Ты моя долг, – сказал Чжоу Фан, показывая пальцем в волосатую грудь Степана, кучерявившуюся в распахнутой рубашке.

– Друг, Фаня, друже, – согласился Степан.

– Я давать письмо. Если я не приходиться сем дэнь, ты отдать директор. Мануйла. Холосо?

– Не понял. – Крестьянин почесал обросший затылок. – Что значит «не придешь»? Ты куда собрался?

– Это моя задася. Это, – он показал на сложенный листок, – твоя задася. Холосо?

– Нет, нехорошо, давай-ка рассказывай. – Но китаец уже повернулся спиной и зачастил мелкими шажками прочь.

Вечер выдался безветренный, подходящий для прогулки – самое то, чтобы размять ноги и привести в порядок мысли. Чжоу Фан шел и обдумывал свой план. В Петропавловске он пойдет на постоянный двор и представится чужим именем. Станет выуживать информацию о Сабыргазы, о Казбеке, о коротышке. Попросится в проводники. Его возьмут – разноязыкие, опытные в торговле китайцы всем нужны. Оказавшись в караванном братстве, он найдет ниточки, ведущие к обидчику, разыщет того, где бы он ни был, и призовет к ответу. Для этого надо запастись хоть завалящим револьвером. Пусть караван-баши возместит убытки вместе с упущенной выгодой и отпишет покаянное письмо Сунь Чиану. Вот с деньгами и письмом Чжоу Фан прибудет в Китай как победитель. А дальше... дальше видно будет.

Лунный свет шаловливой девчонкой прыгал по изгородям, то взлетая на торчащие колышки, то качаясь по искривленным жердинам плетней. Запахло скотиной, кислотой мокрой кошмы и освежеванными внутренностями. «Барана забили, – тоскливо подумал Чжоу Фан, – наверное, празднуют. У них семья».

Он представил себя въезжающим в Кульджу на приглянувшемся Каракуле. Вокруг расцветут пагоды, стеснительные девушки разулыбаются при виде красавца в высокой войлочной шапке, из-под которой не видать лопухости, старики будут смотреть с гордостью и немножко с завистью. Воодушевленный нарисованными перспективами, Чжоу Фан не заметил, что ноги сами его привели к жилищу Глафиры. Окна маленького домика неприветливо темнели. Никого нет.

– Тебе чаво? – Сзади бесшумно подобралась Аксиныя Степановна.

– Здластуй. – Он вежливо поклонился.

– И тебе не хворать. Глашку ищешь? Нет ее дома. Не пришла еще. Куда запропала? – В голосе матери слышалась тревога. – Ты не знаешь, случаем?

– Нет, нет, нет, – замотал головой несчастный, понявший едва половину сказанного.

– Что «неть»? Не знаешь? Не Глашку ищешь? А кого?

– Гляся. Неть. Я посла.

– Ну иди. – Аксинья Степановна громко чавкнула калиткой, и через несколько минут в окне загорелась лампа.

Ближний конец села заканчивался княжеской усадьбой с опахалом пышного фонаря, с беспечно распахнутыми воротами, перед которыми всегда кто-нибудь толкался. А ему сейчас свидетелей не хотелось, мечты нужно проживать в одиночестве. Чжоу Фан развернулся и побежал в другой конец села, где сиреневые сумерки окончательно превратились в чернила.

... В Кульдже он станет правой рукой Сунь Чиана, тот, виноватаясь, выдаст лишек доверия авансом. А потом... потом, кажется, надо возвращаться сюда, в Новоникольское. Как же можно долго жить без Солнца?

Чжоу Фан спустился с ненастоящего Каракула, шествующего по ненастоящей Кульдже, на берег реки, довольно далеко от того места, где забрался на горб верблюда. (Вот куда заносят мечты-то!) Из-за облака выплыла горделивая луна, уселась на колесницу и поехала, любопытная, заглядывая в чужие окна и души. Он медленно побрел, додумывая свой великолепный план, который почему-то уже не казался таким замечательным. Волны укладывались спать, не шумели. По зеркалу темной воды распласталось несколько нарядных кленовых листьев, не успевших насквозь промочить свои наряды и безвестно кануть на дно. Красиво. Следом плыло еще одно желтое пятно, побольше. Чжоу Фан пригляделся: таких огромных листьев не бывает. Он сощурил и без того узкие глаза и позабыл обо всем, чем только что жил, – о Кульдже, о Сунь Чиане, о мести. Что-то страшно знакомое было в том желтом пятне, которое то приближалось к берегу, то удалялось. Не глядя под ноги, он вошел в воду и вскрикнул. В руке оказался мокрый и жалкий кусок шелка – платочек Глафиры, подаренный ей в прошлом году. Она любила повязывать... Нет, не так! Именно сегодня она приходила на работу, повязав его на шею! Что же получалось?

Чжоу Фан вспотел, хотя стоял едва не по пояс в холодной воде. Мать ее волновалась! Дома ее не было! Беда! Срочно бежать! Спасать! Звать на помощь! Он понимал, что в одиночку не обшарит речное дно, но и отлучаться с берега, чтобы позвать помощников, не хотелось. Нельзя тратить драгоценное время! Где она могла упасть в воду? Наверняка повыше, там, где бабы полоскали белье. Спотыкаясь и теряя мокрые калоши, он помчался вверх по течению.

Если посмотреть на часы, то бежать пришлось недолго, а если заглянуть поглубже, то он потратил на этот путь где-то четверть жизни. Камни у воды ему казались прибитым к берегу телом, мокрой головой, бездыханной, подарившей неблагоприятной реке хрустальную воду своих глаз. Колебания лунного света на речной глади мнились белеющим всплывшим платьем. Тогда Чжоу Фан кидался в воду, но тут же видел, что это ничего не стоящий обман.

В стогу кто-то прятался: то ли дрался, то ли миловался – на бегу не разобрать. Он решил позвать на помощь, подбежал. И сразу остановился, как конь, которому ни за что ни про что порвали губы мундштуком, и он еще бьется, неумный, перебирает копытами на месте, мотает головой, а изо рта капает кровь – то ли из порванной губы, то ли неразумное сердце протиснулось-таки сквозь обожженную скачкой глотку, засело под небом, хочет выпасть наружу и забрызгать все вокруг. В стогу кричала Глаша. Сначала – на миг – вспышка торжества и радости: Глаша жива, она не утонула, и сразу острый приступ паники: Глаша звала на помощь! Чжоу Фан подбежал к сену и увидел голый, конвульсивно дергающийся зад, беззащитно распахнутые белые ноги, бьющие в остервенении по воздуху.

Жердина кстати подвернулась под руку, глухо шмякнула насильника по затылку. Подал руку Глафире и почувствовал запах чужой грязной похоти.

За те мгновения, что Семен приходил в себя и, матерясь, поднимался на ноги, Чжоу Фан передумал много интересного. Темнота уже надежно скрыла и тщедушного китайца, и его рослого противника. Кто такой Чжоу Фан? Бесправный китаец. Кто такой Семен? Потомственный

житель села, сын уважаемых родителей. Обвинить его в насилии над Глафирой не получится: это удар по ней самой, после таких историй девицы руки на себя накладывают, он не раз слышал и в Китае, и здесь. Надо, чтобы никто не узнал. Значит, в полицию тоже нельзя. Да и насильник всегда может сказать, что по обоюдному согласию у них случилось. А если убить и труп утопить в реке? Неплохо звучит. Но он никого еще не убивал, не знает, каково это. Вдруг потом до конца дней спокойно спать не сможет? Тоже великий риск.

Додумать не удалось: Семен кинулся на него с кулаками. Он был явно сильнее, больше, но, к счастью, яростной атаке снова помешали спущенные штаны. Нападающий рычал, освобождаясь от пут, пытался натянуть на зад, но в пылу страсти он разорвал то ли пояс, то ли гульфик и теперь никак не мог собрать брюки в приличествующую им конструкцию. Тогда Семен, обозлившись вконец, скинул мешающие штаны к черту, запнулся о них в последний раз и бросился на Чжоу Фана. Но заминки голозадого оказалось достаточно, чтобы его противник ретировался за стог и подхватил с земли полюбившийся ему дрын.

– А, ты так? – Семен метнулся в сторону и тоже подобрал корягу. Она оказалась больше и тяжелее той, которой вооружился Чжоу Фан.

Ловким ударом китаец выбил орудие из рук врага, но попал под прицельный удар тяжелого кулака. Зашатался, пригнулся, пропуская над головой второй удар, изловчился и пнул в живот. Противник согнулся пополам, а когда распрямился, у него в руках снова опасно изгибалась могучая коряга.

«Так дело не пойдет», – подумал китаец и начал, приплясывая и размахивая ненадежной палкой, отступать. Ему требовалась подходящая по размеру жердина. Висок гудел. Зато холода совсем не чувствовалось.

Еще два выпада Чжоу Фана не достигли цели, коряга опасно свистела совсем рядом, а темнота не способствовала верткости. Семен свирепым быком несся на обидчика. Китаец побежал зигзагами, оглядываясь назад. Впереди показался старый тын, там найдется подходящее орудие. Вдруг топот сзади прекратился, а сбоку послышались довольные пьяные голоса. Преследователь ретировался. Ясно, без штанов-то по селу не побегаешь. Чжоу Фан бросил палку и перевел дыхание.

Как дальше жить?

* * *

Степан проводил недоуменным взглядом растворяющуюся в перспективе осенней улицы спину Федора, одинокую, как последняя груша на облетевшем дереве. Заперев ворота, он вернулся в дом, уселся возле желтого кружка керосинки, начал слушать, как шепелявый семилетка Васенка читает свою первую книжку. Нескладица получалась: из разбегающихся слогов – то ластящихся полупшепотом, то выпрыгивающих азартными окриками – никак не складывался образ простецкой курицы Рябы. Степан покряхтел, почесал затылок и засунул письмо в карман рабочей тужурки.

Назавтра выдался полный беготни день, а послезавтра он и вовсе забыл о визите лопухого китайца. Вспомнил, лишь когда любопытная жена спросила, взбивая перины перед сном:

– Степа, ты не знаешь, куда твой китайский друг запропастился? У меня Матрена спрашивала. Второй день ни его, ни Глашки.

Мануил Захарович уже спал, когда скрипнули ворота и бодро заржал гнедой жеребец, приветствуя закадычных приятелей гусей, спрятавших головы под крылья. В окно поскребся знакомый «кхек» – так Степан обычно сообщал, что он уже приехал за директором и готов сражаться с неуступчивой аграрной отраслью. Хозяин вмиг сбросил ласковое одеяло первого сна, прошлепал босиком в сени, собирая ненастоящий еще, пробный холод с остывших поло-

виц, впустил верного оруженосца. Если кучер решился потревожить в такое время, значит, тому имелась нешутейная причина.

– Тута ко мне Федька на днях пожаловал, а он, знамо, бедовый, – стесняясь, излагал поздний визитер, комкая в руках картуз и еще что-то. – Велел вам передать, только я не понял зачем. Про какието «семь дэн» говорил. Это что? Опосля двугодичного приключения я, как его вижу, сразу трясуся. Это такой китаец, я вам скажу, что от него беды ждать приходится.

– Ну-ка, что у тебя? – Мануил Захарыч толком не понял, о чем шла речь, но разбуженное любопытство подмяло под себя и застуженные ноги, и улетучившийся к чертям сон.

Степан протянул плотный сверток бумаги, запечатанный тремя цветными ленточками. Директор не раздумывая вскрыл послание. Внутри лежало два отдельных письма. На первом ровными, но неправильными буквами значилось его имя, на втором загадочная надпись: «СЮУНА ЧИ ЛИ ПАСЛ». Ниже стелился изощренный орнамент иероглифов. Мануил Захарыч развернул ту бумагу, которую писатель тужился адресовать ему. Дословно: «МНАЙИЛЛ ЗОХОРАЧА».

– Так это же по-китайски, – разочарованно протянул он.

– Мне велено передать, я с себя эту оказию снимаю. – Степан поспешил проститься и покинул начальство в босоногом недоумении.

Утром невыспавшийся директор заехал к Шаховскому: следовало осметить урожай кормов. За чашкой кофею он вытащил загадочное послание и протянул его Веньямину Алексеичу, при этом не сводя глаз с беременной Дарьи Львовны:

– Вот, полюбуйтесь, что ваш садовник мне отправил. Сплошные рисунки. Рад, конечно, что люди такого высокого мнения о моей учености, но расшифровать не представляется возможным.

– Вообще-то Федор зарекомендовал себя ответственным и старательным. – Шаховский взял в руки листы, повертел, недоуменно покачал породистой головой. – Однако его уже третий день нет на работе. Это настораживает.

– Дашенька, вы ведь мастерица в китайской грамоте. Посмотрите, голубушка, что там писано? – попросила свекровь невестку, уписывающую за обе щеки пшениную кашу с маслом.

Пополневшее розовое лицо с озорными ореховыми глазами довольно улыбнулось, загодя гордясь своими редкостными талантами. Вот смеялись, что она китайской тарабарщине обучается, а теперь, смотри-ка, пригодилась. Тоненькие пальчики протянулись за бумагой.

– Так... Здесь слово «вода», дальше «огонь», «дом». Это про Китай. Что-то парадное. Дальше «взял», «поднял»... Очень трудно, ничего не понятно. Так... «преступление», «бандит», «разбойник...». Снова «взял», прощения просит... Прощается... Я не очень понимаю. – Она взяла в руку стакан и продолжила чтение про себя, прихлебывая компот. Глаза внимательно изучали бумагу.

Старый князь с княгиней разочарованно переглянулись, Мануил Захарыч спрятал улыбку в подъеденные сединой усы.

– Письмо адресовано Веньямину Алексеичу. Оно совсем короткое. Но тревожное. Давайте второе распечатаем, – попросила Дарья Львовна.

– Думаю, так и следует поступить, учитывая, что адресат нам неизвестен. – Старый князь знал, что от него ждут разрешения, чтобы пренебречь хорошими манерами. – Может быть, оттуда разживемся информацией? – Из всех земных грехов он разрешал себе только любопытство.

В руках у княжны на этот раз оказались три листка, адресованные Сунь Чиану.

– Ну, ладушка, не томите! – заерзала, как гимназистка, Елизавета Николаевна. – О чем грамотка?

– Видите ли, китайский – это не французский. Тут разобраться непросто. – Княжна тяжело вздохнула, погладила круглый животик. – Вроде «поле» – нет, «могила», точно

«могила», снова «могила». Это «деньги», еще три раза «деньги». «Папа», «мама», «еда», «работа», снова «работа». «Голова». «Лицо...» Явно что-то случилось... Лучше бы найти кого-нибудь пограмотнее. – Она испуганно рысила взглядом по листку.

– Вы не волнуйтесь, милая, вам вредно, – предупредила Елизавета Николаевна и тут же сама начала волноваться. – Да что за напасти с этим Федором!

– Здесь буквы – это имена. *Матап*, будьте добры, возьмите карандаш, – распорядилась Дарья Львовна. – С, А, Б, И, Л или Р, Г. – Она продиктовала кучу букв, из которых после немалых усилий присутствующим удалось собрать имена Семена, Егора и караван-баши.

– Это уже не шуточки, – насупился Веньямин Алексеич.

– Боюсь, Венюшка, нашему китайскому другу грозит опасность, – заметила княгиня.

Дарья Львовна тяжело дышала:

– Простите, я не могу принять на себя такой грех. Вдруг человеку грозит опасность, а я вам тут наперевозу... Надо послать за кем-то, кто сведущ.

– А то ж они тут на каждом углу, – беззлобно съязвил Веньямин Алексеич.

– Действительно, неплохо бы разобраться в этом деле. «Могила...», «поле...», «смерть...». Это не поздравительное послание. – Мануил Захарыч, до того не придававший значения семейной беседе, тоже озадачился и с явным нежеланием отложил ведомость.

– Пожалуйста, давайте вызовем урядника. – Глаза Дарьи Львовны опасно покраснели и затянулись блестящей пленкой.

– Нет, так дело не пойдет. – В разговор энергичным соколом влетел звонкий голос Глеба Веньяминыча. – Сразу ясно: Федор попал в беду. Наш долг – разобраться, что с ним случилось.

– Глебушка, как он мог попасть в беду? – Елизавета Николаевна старалась успокоить не в меру горячившегося сына. – Он при доме, ни с кем и не общается толком. Какие такие напасти могут его подстергать?

– Да уж не скажите, матушка, – позволил себе не согласиться Мануил Захарыч. – За этим китаезой опасности сами охотятся. – Он дробно засмеялся то ли удачно ввернутому словцу, то ли удачливости стойкого Федора, раз за разом разделявавшего неприятности, как жирную баранью тушку.

– Значит, так. – Молодой княжич вовсе не желал отступать: ему, как всякому молодцу с кипучей кровью в жилах, виделись опасности, спасение и вечная благодарность. – Я сейчас приглашу полицейского урядника, и отправимся на поиски.

– Зачем урядник-то? – не понял его отец.

– А кто таков этот Семен? – Мануил Захарыч и в этом несподручном ему деле не утратил здравомыслия. – Там же имена-то русские – Семен, Егор...

– Егор маленького роста, – добавила Дарья Львовна.

– В Новоникольском такого не знаю. – Глеб зажегся азартом. Тем более его супруга на сносках уже впала в панику, требовалось немедленно ее ублажить поимкой китайца или подходящего русского.

– Как я понимаю, Семен – это тот лодырь, что женихается с вашей горничной, – предположил Мануил Захарыч.

– Кстати, почему Глафиры нет на службе? – Молодая княжна вскочила, не в силах больше чинно сидеть за столом. Пшеничная каша грустно желтела на тарелке.

– Семен, Семен Ильич, – редкий бездарь, по-моему. – Елизавета Николаевна соперничала Глафире, поэтому следила за ее сердечной привязанностью. – Я вполне могу заключить, что он связан с какими-нибудь темными делишками.

– Да что гадать? – Глеб Веньяминыч не причислял к своим достоинствам такое качество, как терпение. – Пригласим его и спросим, с кем общается, знает ли Егора, когда и где видел Федора. А заодно и про Глафиру выведем.

– Могу отправить за ним Степана.

– Да и зачем отправлять? Сами ходим. И урядника возьмем для пушей строгости.

Сказано – сделано. Глава сельской полиции, скучающий без дела, с радостью поддержал начинания молодого дворянина: все интереснее, чем выслушивать бесконечные бабские жалобы про кражу кур. Отправились делегацией к Семену. Тот лежал в избе, побитый и растерянный, что не укрылось от внимания дознавателей. Урядник добавил металла в голос. Услышав имена Глафиры и Федора, Семен страшно напугался, решив, что на него уже пожаловались из-за разнудавшейся в стогу похоти. Красивые влажные глаза заметались, и это тоже все заметили.

– А что про Егора-коротышку знаешь? – неожиданно спросил урядник.

– А, – обрадовался Сеня, – про Егора все знаю.

– А про его дела с Сабыргазы тоже знаешь?

Радуюсь, что тема насилия не всплывает на поверхность, допрашиваемый выпалил:

– Конечно, знаю, контрабандист он, сучара! – Семен увидел крайне заинтересованные лица и с опозданием понял, что поспешил.

Застоявшийся без дела урядник, как веселая непуганая гончая, побежал распутывать дорожные узелки, свивая ниточки караванных путей в тугой клубок преступления. Семен отпирался неумело, больше вредил себе, чем помогал. У него на уме было одно: лишь бы не выплыла история с насилием. Знал, что Шаховские сердечно привязаны к Глафире и спуску не дадут. Поэтому ложь про Егора и контрабандистов у него выходила неумелая, жалкая, концы не стыковались. Он поведал и про роль неудачливого Федора во всей этой свистопляске. Вышло, что нужно поспешать к Егору. Так урядник и поступил, свистнув для порядку десятским и сотским.

– Поехали, еще раз все расскажешь и дорогу покажешь, познакомишь с дружкой.

Семена вывели, заломив руки за спину, погрузили в полицейский экипаж и увезли. Урядник довольно потирал руки, а Глеб Веняминыч, недовольно хмурясь, пошел к усадьбе. Специально выбрал пеший крюк, чтобы потянуть время: история с Федором не прояснилась, что отвечать Дарье Львовне?

* * *

Как все-таки дальше жить?

Как ни крути, в истории с Семеном точка еще не поставлена. Вряд ли он придет в княжеский особняк, нет, скорее подкараулит обидчика гденибудь в селе. Значит, непременно зайвится к Глафире. Чжоу Фану почему-то казалось, что тот придет избавляться от Глаши как от нежелательного свидетеля. Наверняка он с самого начала запланировал сперва изнасиловать, а потом убить. Почему? Не хочет жениться, ясно ведь. А невесту девать некуда, только на дно реки. Перед отгрузкой нежных прелестей на тот свет решил полакомиться. Все ясно. Теперь явится добивать, чтобы не рассказала брату и тот не вызвал на поединок.

За себя лопухий не переживал – после схватки с медведем в рождественском лесу любые стычки казались блеклыми: или побьет, или помрет – какая разница. Но бросить Глашу он не мог.

Ноги принесли к ее дому. В окне тускло горела свечечка. Вскороности потухла. Чжоу Фан подумал, что ведь и она может принять страшное решение. Придется караулить. Он ласково прошептал несколько слов Барбосу и залез на сеновал. Мокрую одежду со всех сторон облепило сено. Да что за санный день такой!

Согревшись, начал бороться с дремотой, но удача не всегда ему сопутствовала. Проснувшись, вздрагивал, подползал к окошку, оглядывал двор, потом с другой стороны – улицу. Везде спокойствие. Ладно, можно дальше караулить, ну или подремывать. Ночью Семен не заявился.

Тем хуже. Придется проводить Глашу на службу и там присматривать. Рассвело. Погремела ведрами Аксинья Степановна. Ушла. Глаша не появилась. Да что это такое?

Чжоу Фан осторожно спустился с сеновала. Одежда высохла, день выдался теплым и солнечным. Он подкрался к окну и осторожно заглянул внутрь. Барбос заинтересованно следил за отвисшими на коленках штанами. В темной горнице удалось разглядеть пшеничную голову под одеялом. Жива.

Уйти со двора он не осмелился. Залез на крышу сарая, распластался под осенним солнцем и стал ждать: сейчас Семен непременно явится. Он специально пропустил ночь, чтобы застать Глашу одну, без матери. Надо быть настороже. Мирная жизнь села текла, как будто не случилось ничего страшного. Ни соседи, ни коровы, ни собаки не догадывались, что для Чжоу Фана время разделилось на до и после. Еще вчера он мечтал стать правой рукой Сунь Чиана, сидеть в богатой лавке, нацепив на худые плечи шелковый халат. Глупый! А Солнце?

Кто ее защитит? Раньше он думал, что оставит ее на попечении Семена, тот станет заботиться, как подобает мужу. Но эти надежды постепенно таяли, как печной дымок в небе, а теперь и вовсе растворились.

Если у Глафиры отныне нет жениха, то почему бы Чжоу Фану не забрать ее с собой в Кульджу? Много денег, хороший дом, сытая жизнь в большом городе. Разве плохо? Если раньше он не смел помыслить о Глафире как о своей собственной жене, то поведение Семена многое меняло. Об этом следовало подумать. К вечеру насильник так и не явился, а караульный, дождавшись Аксиньи Степановны, сбегал к себе, взял еды и одежды, никого не встретил и вернулся на пост. Не то чтобы он ждал нападения, теперь уже не так, как накануне. Но мысли оказались больно важными, их следовало додумывать без шарканья чужих шагов, в привычной ямке сеновала. Вторую ночь он спал не тревожась: пока мать дома, злодей не нагрянет. Значит, битва состоится завтра. Ну ладно, Чжоу Фан готов, он не с пустыми руками. Утром снова проводил с крыши глазами гремящие подошники Аксиньи Степановны и чавкающую калитку. Спустился во двор, заглянул в окно и убедился, что Глаша так же лежит под одеялом – значит, жива, приходит в себя. Перекусил на обжитом сеновале и улегся дальше ждать Семена.

План восстановления доброго имени подвергся некоторой реконструкции. Он обелится, без этого невозможно: найдет Сабыргазы и вернет украденное, приедет на Каракуле в Кульджу, а потом сразу наведается в Новоникольское просить руки Глафиры. Она даст согласие, потому что вряд ли найдется жених после того, что произошло в стогу. Чжоу Фан всем расскажет, что он вовсе не безъязыкий садовник, а вполне успешный торговец, образованный, дальновидный. С его мнением сверяется партнер, его переманивают конкуренты. Он посадит Глашу между горбами и увезет в Китай. Так надежнее будет.

За несчастного немтыря ей замуж идти не больно-то захочется, а за удачливого иностранного коммерсанта – почему бы и нет? Но все начнется в Петропавловске, без доброго имени его ни за что не пустят в счастливое будущее.

Солнце уже стояло в зените, а вредный Семен все не шел добивать свою жертву. Интересно получалось. Глафира тоже не торопилась на службу. Вот это да!

К вечеру Чжоу Фан начал волноваться. Может, самому наведаться к Семену – вон его дом, сверху прекрасно видно. Насильник тоже никуда не выходил – наверное, зализывал раны. Снова пришел вечер под ручку с Аксиньей Степановной, куры заснули на своих насестах. Сон почему-то не заходил в лопухую голову. Он смотрел на звезды и рисовал, как повстречается с Глафирой, что скажет. Раньше каждый день по многу раз виделись, а теперь почему-то страшно стало. Чем больше представлял встречу, тем меньше она нравилась. Смолчать про насилие, которому стал свидетелем, нельзя. Ей наверняка стыдно, надо утешить, поддержать. Но слов таких нет. И... и ему самому почему-то стыдно, что так получилось, что именно он увидел этот дергающийся зад, эти беззащитные белые ноги. Как на нее смотреть после увиденного?

Нет, он не стал меньше ее любить. Просто видеть почему-то не хотел.

На третий день у Чжоу Фана закончились еда и терпение. Он собрался поставить точку в затянувшемся конфликте. Сейчас пойдет к неприятелю и скажет, что если с Глашиной головы хоть волосок упадет, то Семен на этом свете не жилец. С утра готовил фразу, учил наизусть. Потом сразу в Петропавловск. К князьям заходить прощаться резону нет, уговаривать начнут, не отпустят. Просто скажет Степану, что его позвали через посредника. Все равно на эту службу возвращаться не планирует.

Он поднялся на ноги, отряхнул сennую труху с одежды. Глафира так и не выходила из дома, и это славно. Совсем не было мочи ее видеть. Как будто это не он смотрел, как ее насилюют, а, наоборот, она стала свидетельницей его позора и унижения. Нет, категорически следовало отложить свидание с Глашей. Пусть замылится в памяти запах похоти на берегу реки. Чжоу Фан вздохнул и собрался спускаться. В это самое время возле домика Семена, куда он направлялся, остановился экипаж урядника, из которого выскочили Глеб Веняминыч, Мануил Захарыч, сам полицейский чин и его товарищ сотский. Пришлось снова залечь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.